
ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

„МОЛОДОСТЬЮ СВОЕЙ ТЕБЕ, ТОВА

Москва, 11 сентября 1966 года. На трибуне Мавзолея — руководители партии и правительства, секретари ЦК ВЛКСМ и гости.

Фото Ю. Шаламова.

КЛЯНЕМСЯ
РИЩ ПАРТИЯ !"

Вот они, знамена боевой и трудовой славы [снимок слева].

В этот день хозяйкой главной площади страны стала юность.

Фото Т. Мельника и А. Пахомова.

Красная площадь в это солнечное воскресное утро как бы приняла в свои объятия все поколения сорока девяти лет Октября. Пожалуй, никогда еще на ее просторах не ощущалась столь явственно зримо перекличка эпох, никогда еще ее земля не слышала столь слитного биения сердец людей, штурмовавших Зимний и строивших Комсомольск-на-Амуре, бойцов, водружавших знамя Победы над рейхстагом, и офицеров прославленной атомной подводной лодки, совершившей кругосветный поход, героев Ангары и целины... Юность шла в одном строю с отцами и дедами.

Четыре дня бурлила она на площадях и улицах Москвы, на дорогах Подмосковья, там, где четверть века назад насмерть стояли защитники столицы. Три тысячи делегатов Всесоюзного слета победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа прибыли в Москву, чтобы рассказать друг другу, чтобы доложить партии о делах своих. Десять миллионов молодых людей участвовали в походах по маршрутам подвигов. Кропотливым трудом юношей и девушек создано свыше 59 тысяч музеев, комнат и уголков боевой славы. Юные следопыты установили 15 тысяч памятников, обелисков и мемориальных досок на местах сражений.

И вот заключительный день слета. Его делегаты пришли на Красную площадь со знаменами республик, с гербами своих городов, вымпелами своих клубов.

...11 часов 20 минут. На трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Ю. В. Андропов, Ф. Д. Кулаков. Вместе с ними Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель

У знамени полка, штурмовавшего Берлин, те, кто водружал флаг Родины над рейхстагом,— М. А. Егоров, К. Я. Самсонов, М. В. Кантария.

Государственного совета ГДР В. Ульбрихт и Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал.

На трибуне также Маршал Советского Союза И. С. Конев, Маршал артиллерии В. И. Казаков, член Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян, секретари ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов, А. Х. Везиров, В. Т. Дувакин, Б. Н. Пастухов, Т. А. Куценко, Ю. В. Торсуев, А. Ю. Чеснавичус, космонавты Ю. Гагарин и В. Комаров, прославленные военачальники, ветераны войны и труда.

...Идет митинг и манифестация советской молодежи. Ее приветствует секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов. Раздается команда: «Знамена славы внести!» И кажется, что в эти мгновения сама история Страны Советов — от первого дня ее рождения до нашего времени — могучим валом хлынула на площадь. Колышутся легендарные знамена «Авроры» и Первой конной, полка, штурмовавшего Берлин, и трактористов — победителей соревнования в пору Отечественной войны, комсомолии Братска и Москвы...

А потом наступает суровая, скорбная тишина. Из края в край разносят радиорепродукторы, как и тогда, в тяжкие дни войны, знакомый голос Левитана: «Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!» Резкие удары барабана. Группа молодежи несет к подножию Мавзолея сплетенную из вечнозеленых веток Гирлянду Славы. Склонились перед ней знамена солдат, и вся площадь слышит слова юноши и девушки: «Память о павших стучит в нашем сердце».

...Торжество близится к концу. Снова притихла площадь. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов читает текст клятвы молодежи. И гремит тысячеустый голос юности: «Клянемся! Клянемся! Клянемся!»

В лагерь слета прибыли участники ралли «Родина».

Маршал Советского Союза И. С. Конев вручает медали слета делегации города-героя Москвы.

Принимая твою славу, Родина, мы будем крепить и умножать

Герою Советского Союза М. В. Кантария то и дело приходилось давать интервью...

К Зое Космодемьянской пришли тысячи людей...

вдохновенным трудом, кипучей энергией молодости созидать

Школьница Вера Яновская из Могилева в почетной шеренге — рядом с ней белорусские партизаны Г. К. Павлов и С. Г. Сидоренко-Солдатенко.

А это из города-героя Одессы...

Каждому хочется получить автограф героини Великой Отечественной войны снайпера Людмилы Павлюченко.

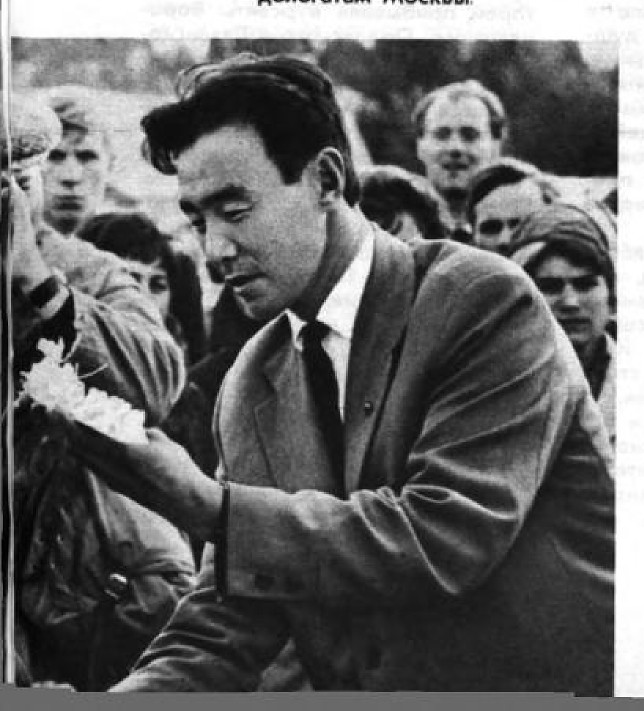
твое величие,

Парк имени Зои... Земля с братской могилы борцов за Советскую власть на Алтае перемешалась тут с подмосковной.

будущее.

Комсомольцы Якутии привезли подарок делегатам Москвы.

Священный огонь, огонь памяти павших героев, доставили в столицу молодые руки из всех республик.

Вот, может быть, так же лежали в окопе солдаты, защищавшие Москву.

В дни слета Елена Климова из Рузы была регулировщицей на Минском шоссе.

— Смотри — все были в Берлине: курские, пензенские, московские...— сказал московский школьник, рассматривая макет колонны фашистского рейхстага.

Фоторепортаж Е. Умнова.

ПОД ГВАРДЕЙСКИМ ЗНАМЕНЕМ

25 лет назад, осенью 1941 года, были созданы первые гвардейские части Советской Армии. Стать гвардейцами было высочайшей воинской честью, лишь лучшие боевые соединения удостаивались ее. Гвардия цементировала воинскую мощь, всегда была впереди, на самых важных направлениях.

Мы печатаем воспоминания гвардии генерал-майора Глеба Николаевича Корчикова.

В июне 1943 года состоялось мое назначение командиром 48-й гвардейской стрелковой дивизии. Старшие начальники напутствовали меня перед моим отъездом в новую часть и давали советы, на что обратить особое внимание. И чем ближе я оказывался к месту назначения, тем сильнее сверлила мысль: успею ли я сделать все, чтобы дивизия была вполне боеспособной?

Лето на Харьковщине было в самом разгаре. Дни жаркие, душные, без дождя. Дороги пыльные. Движение автотранспорта, занятого подвозом всего необходимого для предстоящих боевых действий, было в светлое время сокращено до минимума. И ночи превратились в день. Авиаразведка велась с обеих сторон.

Из сводок, получаемых штабом, можно было сделать вывод, что в самом ближайшем времени предстоят сильные бои. Особое внимание всех привлекал Курский выступ. Перед нами стоял враг, который был еще силен.

Мои ежедневные встречи и беседы с командирами и красноармейцами позволили в сравнительно короткое время познакомиться с боевым прошлым дивизии.

...Октябрь 1941 года. Враг рвется к Москве, рассчитывая на быстрое окончание войны, на теплые зимние квартиры. На подступах к столице разворачиваются ожесточенные бои. Ставка Верховного Главнокомандования формирует соединения и части, чтобы не только остановить врага, но и разгромить его группировки, угрожающие Москве.

В это тяжелое время в Воронеже формируется 17-я отдельная бригада, на укомплектование которой прибывали курсанты Воронежского, Орловского и Рязанского военных училищ. В первых числах декабря бригада сосредоточивается по железной дороге севернее Москвы и занимает исходное положение южнее деревень Горетовка, Баранцево, Каменка, Брехово, западнее станции Крюково (Октябрьской ж. д.). Утром 7 декабря совместно с другими соединениями 16-я армия переходит в наступление, освобождая одно селение за другим: Каменка, Горетовка, Клочково, Обухово, Ново-Петровское, Чисмена, Волоколамск. На реке Лама противник с заранее подготовленного рубежа обороны оказал упорное сопротивление и приостановил наше наступление. Но после ряда пере-

...радостью победы клянемся быть достойными бессмертия отцов и по первой тревоге, под овеянными славой знаменами, пойти в бой и победить!

группировок бригада снова ведет упорные бои в районе Клячина.

Наступила весна, принесшая немало хлопот. В окопах и блиндажах появилась вода. Все раскисло. Движение, пешее и транспортное, стало крайне затруднительным. Однако настроение у солдат и офицеров было бодрое: «Ни шагу назад!»

В конце апреля бригада выводится на переформирование, становится дивизией, и ей присваивается номер «264». Войдя в подчинение 3-й танковой армии, дивизия в середине августа прибывает в район Козельска, вступает в бой и после ожесточенных схваток снова выводится в резерв на переформирование.

В прошедших боях личный состав дивизии не один раз показал свою выучку, героизм и умение бить врага. Мне рассказывали о многих эпизодах. Говорили, например, о подвиге командира батареи артполка лейтенанта Анатолия Сухорябова. Это было 31 августа 1942 года. Гитлеровцы четыре раза предпринимали атаки на позиции наших полков с тем, чтобы вернуть утраченные рубежи. Атаки пехоты были поддержаны танками и сильной авиацией. На одной из высот, с которой хорошо просматривались расположения врага, находился наблюдательный пункт лейтенанта Сухорябова. Немецкие автоматчики с дикими криками лезли на высоту. Корректируя огонь батареи, Сухорябов думал: как быть? Высоту отдать нельзя, а ряды ее защитников заметно редели. Возвышенность охвачена уже с обоих флангов. Остается еще небольшая полоска, по которой можно отойти назад. Но Сухорябов берет из рук телефониста трубку и командует на батарею: «О г о н ь п о м н е, вокруг нас фашисты». Командование полка направляет несколько танков с десантом пехоты на выручку героев. Высота осталась за нами.

...20 октября 1942 года дивизия получила приказ о преобразовании в «48-ю Гвардейскую стрелковую дивизию».

В этом качестве я ее и принял от гвардии генерал-майора Н. М. Маковчука, назначенного командиром корпуса.

В июле 1943 года, нанеся поражение гитлеровцам на Курской дуге, наши войска перешли в наступление на широком фронте. С этой поры дивизия вступает в бои, не прекращающиеся ни днем, ни ночью. Мы участвуем в боях при освобождении Харькова и Харьковщины. Отражаем в течение двух недель яростные атаки противника, стремящегося сбросить нас в Днепр, но все усилия гитлеровцев разбиваются о мужество и стойкость как гвардейцев 48-й, так и других соединений 7-й Гвардейской армии. Не помогают бесконечные налеты больших групп (по 50—100) бомбардировщиков врага, ни его «тигры», «пантеры», «фердинанды». Ожесточенные бои в феврале 1944 года за Кривой Рог и Криворожье в весеннюю распутицу, когда пешему невозможно вытащить ногу из грязи, знаменуются новой наградой. Дивизии присваивается почетное наименование «Криворожская».

Лето 1944 года никогда не изгладится из памяти тех, кому пришлось участвовать в боях за освобождение Белоруссии и Польши. С 24 июня и до середины сентября дивизия не выходит из боев. Нам довелось освобождать героический Брест, а затем перешагнуть на территорию многострадальной Польши. От берегов Буга—Нарева—в район Бреста, и после двухнедельного переформирования марш в район Мариамполя (Литва), и снова кровопролитные бои в Восточной Пруссии, закончившиеся для нашей дивизии у залива Фришес-гаф. Конец марта и половину апреля мы проводим в дороге, которая приводит сначала в район Познани, а затем на южную окраину Берлина.

Две недели боев за каждый дом, за каждый этаж, даже за каждую комнату. 2 мая фашистская столица капитулирует. Но рано складывать оружие. Получен новый приказ. И мы рано утром 3 мая совершаем форсированный марш на юг. Чем дальше, тем яснее, куда ведет путь, предписанный нам. Мы идем, мы спешим в «Злату Прагу», где поднято восстание против гитлеровских оккупантов. И мы снова, выполняя интернациональный долг, спешим на выручку наших братьев — чехословаков. Однако, как мы ни торопились, не успели... не добежали 30 километров, в нас не было уже надобности. Прага была освобождена.

Закончив войну и приумножив боевую славу, отмеченную орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова 2-й степени, гвардейцы-криворожцы, совершив почти тысячекилометровый марш, вернулись на Родину.

Каждый год в мае собираемся мы в Москве, возле памятника маршалу Толбухину, что возле ЦДСА. Многие приезжают издалека. Радостные встречи, крепкие объятия, горячие поцелуи...

Всегда многолюдно на открывшейся в Сокольниках международной выставке «Средства механизации инженерно-технических и административно-управленческих работ — «Интероргтехника-66». С огромным интересом рассматриваются экспонируемые на выставке современная конторская мебель и оборудование, радио- и телевизионная аппаратура, диктофоны, магнитофоны, электрические пишущие машинки, быстродействующие копировально-множительные аппараты, бухгалтерские автоматы.

12 сентября выставку посетили товарищи Л. И. Брежнев, К. Т. Мазуров, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Ю. В. Андропов, Ф. Д. Кулаков.

На снимке: в советском павильоне.

Фото Н. Ситникова и Б. Трепетова (ТАСС).

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ДРУЗЬЯМИ

По приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Советский Союз посетила делегация Малийского комитета афро-азиатской солидарности во главе с председателем комитета общественным деятелем Мали Соу Абдулаем. В состав делегации также входили генеральный секретарь комитета Саму Туре и секретарь по административным вопросам Тункара Шейкна. Для ознакомления с жизнью советского народа и работой республиканских комитетов солидарности делегация посетила Волгоград, Душанбе и Алма-Ату.

На снимке: малийская делегация в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки.

Фото А. Агапова.

ГДР и ООН

— Как вы расцениваете предложения ГДР об обеспечении мира и безопасности в Европе?

— Согласны ли вы с тем, что политика ГДР соответствует Уставу ООН и прием этого государства в ООН будет служить делу мира?

— Как вы относитесь к стремлению ФРГ получить доступ к ядерному оружию?

Таковы три вопроса, которые содержит международная анкета Агентства печати «Новости», разосланная в десятки стран. И вот ответы. Они получены от видных общественных деятелей, писателей, ученых, журналистов, политических деятелей, рабочих, служащих. Среди них — герой Греции Манолис Глезос и японский писатель Кобо Абэ, профессор истории из Чили Луис Пименталь Писарро и министр юстиции Народной Республики Болгарии Светла Доскалова, политический обозреватель газеты «Комба» (Франция) Жорж Андерсен и заместитель постоянного представителя ОАР в ООН Амин Хилми, государственный чиновник из Люксембурга Иозеф Фраймут и кубинский эпидемиолог Педро Родригес Дес, профессор из Загреба (Югославия) Бранко Кесич и норвежская домохозяйка Марвель Бьерклюнд...

Многие десятки людей. Разные философские взгляды. Разная партийная принадлежность. Разная религия. Но взгляды совпадают.

«Одобряю предложения ГДР по поводу обеспечения мира и безопасности в Европе,— заявляет известный итальянский художник Ренато Гуттузо.— Да, согласен, что ГДР должна стать членом ООН». А мнение о попытках Бонна заполучить атомную бомбу? «Отношусь отрицательно».

Краткий ответ Гуттузо как бы обобщает мнение подавляющего большинства людей, откликнувшихся на анкету АПН. Только один человек из всех ответивших — чиновник налогового управления из Финляндии Кэмяряйнен — считает, что Бонн должен получить атомную бомбу потому, что, дескать, ею владеют другие государства, хотя в принципе он высказывается за уничтожение ядерного оружия. Ответы на анкету свидетельствуют о растущем международном авторитете первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства, о признании и поддержке миролюбивой внешней политики ГДР. Логичен вывод, к которому приходят представители международной общественности: Германская Демократическая Республика должна быть членом ООН.

ШУМИТ ПАРТИЗАНСКИЙ ЛЕС...

Вл. ПАВЛОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Я-то здесь свой, в этом лесу... и кажется, будто деревья запросто, как старому другу, кивают мне своими зелеными папахами: помним, мол, помним! И директор Злынковского лесхоза Григорий Николаевич Шабалин, который привез нас сюда, и старый мой партизанский друг, бывший пулеметчик, а ныне лесничий Иван Николаевич Сапуто тоже смотрят испытующе: узнаешь или нет?

Сегодня я приехал сюда, чтоб поздравить с праздником — Днем леса — моих друзей, верных его стражей. А без малого четверть века назад я, боец партизанского отряда, бродил по этим тропкам Брянских лесов. Как летопись, хранят Злынковские леса отметины тех времен. Все еще заметны поросшие копытенем, зверобоем, черничником старые окопы и воронки от снарядов и бомб.

Вон на той медноствольной сосне и на той березке так и не затянулись корой шрамы от пуль и осколков. Тут на склоне невысокого лесного холма стояла когда-то штабная землянка. Там, на старой дороге, что соединяет села Дубровку и Софиевку, не раз держали мы заставы и таились в засадах, поджидая врага.

В этих местах говорят: «Петухи у нас кричат на три республики». И верно: раскинувшийся на стыке границ Украины, Белоруссии и России лес этот как бы объединял партизанское братство украинцев, русских и белорусов. Именно тут 26 августа сорок первого года грянули первые на Брянщине партизанские выстрелы по врагу. И сейчас, когда идешь лесом, чудится горьковатый запах костра, глухой перестук колес пулеметных тачанок, дальние раскаты очередей, отблески пожаров на кронах деревьев. Смотрю на этот лес и не узнаю его.

Да и трудно его узнать! Затянулись лесной молодью старые вырубки и палы. Покрылись ельниками, сосенниками, березняками пустоши, на которых при мне даже и трава не росла. Глубже и шире стало зеленое море в этих местах. Ожило оно, заселилось зверьем и птицей. Есть тут и енот,

Иван Николаевич Сапуто.

и белка, и куница. Посвистывают в осинниках рябчики. Весной стонут-клекочут тетерева. Не опасаясь человека, ходят косули. В урочище Вороница прочно осели, построили свои плотинные городки бобры. А от лосей и кабанов отбою нет.

Недавно один из лесничих Софиевского лесничества, которым руководит Иван Сапуто, обнаружил медвежий след. Откуда-то издали прибрела под Софиевку чета медведей. Припали, видно, ей к сердцу эти урочища, и прописалась она здесь навсегда.

— Теперь жди приплода,— сказал мне Сапуто,— да пиши с натуры «Утро в лесу»!

Нет, не похож этот большой и густой лес на тот, по которому бродили партизаны в сорок втором!

Не простое дело — восстановить лес. В естественных условиях нужны сотни лет, чтобы лес зажил свои раны и поднялся во всей красе. А чтоб ускорить этот процесс, чтобы поднять лес в одно двадцатилетие — срок, долгий для человека, но очень короткий для леса,— нужен огромный труд, упорный, каждодневный, нелегкий. И срок этот надо обязательно выдержать.

Не всякая сельскохозяйственная культура требует таких забот, как лес. Прежде всего семена. Их надо собрать в лесу вручную, рассортировать и протравить. Но из семени дерево развивается слишком долго. Его лучше вырастить сначала в питомнике и уже потом, когда оно наберет силу, пересадить на лесную почву.

Питомник — лесной детский сад.— есть и в Софиевском лесничестве. С гордостью показывал его нам Иван Сапуто. На отгороженном участке земли, на которой дочиста, до последней травинки, выполот сорняк, подрастает густая зеленая поросль сосны. Сапуто и Григорий Николаевич Шабалин с напряженным вниманием рассматривают в лупу каждый росток. Жива ли почка?

Есть в питомнике и другие лесные культуры: сибирский кедр, например, и сибирская лиственница. Худо приживаются они на здешних бедных почвах, забивают их туземцы: быстрорастущие, неприхотливые береза, сосна, ольха, осина...

Но Сапуто и Шабалин не отступают. И верится, что наши потомки еще увидят в старом партизанском лесу исполинские кедры и пихты...

А на одной из делянок питомника пышно поднялись кусты декоративной золотистой смородины. Им нет еще и года, а выглядят, как взрослые. Это заслуга женской бригады Натальи Халуповой. Скоро смородина покинет питомник, уедет в города, украсит в них скверы и парки.

Вырастить саженцы — это еще не все. Лесную почву надо подготовить и удобрить. За молодой порослью нужно следить, пропалывать ее. Что такое прополка леса? На языке лесоводов она носит название рубок ухода. Сначала в едва поднявшейся над землей поросли надо убрать случайно затесавшиеся породы, которые грозят угнетением основной. Потом проредить, чтоб каждое деревце могло развиваться без помех. Потом, спустя несколько лет, настает время для санитарной рубки. Всю посадку надо обойти леснику, оценить каждое дерево, поставить затеску на тех, которые больны, отстали в росте. Дуб, например, как говорят лесоводы, любит расти в теплой шубе, но с непокрытой маковкой. А молодой сосне нужен тесный строй, чтоб вымахала она на тридцатиметровую высоту...

А бесчисленные вредители — разные сосновые шелкопряды, короеды? А самовольные порубщики и браконьеры? А люди, которые, не считаясь ни с чем, требуют увеличения планов лесозаготовок? За всем надо присмотреть лесным офицерам — леснику и лесничему...

Крепко привязывает к себе лес человека, и те, кто отведал однажды жизни в лесу, неохотно покидают его.

Отвоевав, вернулись назад бывшие лесники Даниил Прокопьевич Сусло, Савелий Иванович Ковтун, Александр Федорович Гузненок, которые водили в годы войны наше соединение по им одним известным, невидимым партизанским тропам под Злынкой, Софиевкой и Новозыбковом.

Ковтун и Сусло уже вышли на пенсию. Подумывает о ней и Гузненок: подошли годы.

А Ивану Сапуто нет еще и пятидесяти. Он недавно окончил Новозыбковский техникум. Получил за успехи, достигнутые лесничеством, именные часы в подарок от министра. Участвовал во всероссийском совещании лесоводов. И по-прежнему, закинув, как верный «Дегтярь», за плечи старенькую, видавшую виды двустволку, бродит по родному лесу.

Пелагея Ивановна Клыпуто выращивает молодняк в лесопитомнике.

«Жива ли почка!»— беспокоится директор Григорий Николаевич Шабалин.

Человек в партизанском лесу.

ПРАЗДНИК ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Николай **ТИХОНОВ**

Среди снежных, искрящихся под солнцем вершин Главного Кавказского хребта высится гранитный великан, величественный и строгий, носящий имя великого грузинского поэта и мыслителя Шота Руставели.

Как эта вызывающая восторженные взгляды гора, высится в веках над причудливыми вершинами грузинской поэзии поэма Руставели «Вепхисткаосани»— «Витязь в тигровой шкуре».

Восемьсот лет назад родился творец этого удивительного произведения, которому суждено было пройти через все испытания времени и сохранить силу поэтического воздействия, глубину мысли и войти в круг величайших произведений мировой классической поэзии.

Хотя до сих пор нам неизвестны точные и подробные факты из жизни поэта, но то, что он родился на рубеже, двух миров и двух эпох,— это бесспорно. Воинствующий мир Ислама и мир христианского Запада противостояли друг другу. Эпоха средневековья властвовала со всей жестокостью, но уже заря раннего Восточного Возрождения посылала первые лучи. Шота Руставели был ее провозвестником, ее поэтическим рыцарем.

Своей поэмой он начал смелую борьбу против всякой несправедливости, борьбу за человека, у которого самыми сильными чувствами являются дружба и любовь. Он хотел поднять человеческое достоинство на самую большую моральную высоту.

Удивительно сегодня читать страницы этой поэмы, одновременно проникая мысленно в те далекие времена, когда жил ее создатель.

Руставели родился через сорок лет после смерти Давида-Строителя. Сменилось три царствования, когда на престол Грузии взошла царица Тамар, которой посвящена поэма Руставели. Это была сложная эпоха, эпоха заговоров, войн, походов, борьбы за власть феодалов светских и духовных. Но после побед, одержанных над врагами грузинского государства, жизнь приобрела новый размах. И если на фоне тогдашней действительности мы увидим размах творчества Шота Руставели, для нас не будет сомнений, что он был не такой уже простой певец, не такой уже простой человек, вышедший из неизвестности и ставший широко известен своим поэтическим талантом.

Конечно, это был человек, овладевший всеми культурными богатствами того времени, благородный рыцарь, не уступающий никому в учености, знаток поэтического искусства, прекрасно отдающий себе отчет в том, кому и как оно должно служить.

Он создал образы своих героев и героинь не отвлеченно. Это живые характеры, особенные, может быть, для своего времени, носители новых идей, неожиданных и удивляющих современников, в то же время они имеют все народные черты. Из-за этого сильного выражения своих чувств, своей свободы мыслей, своего сопротивления несправедливости и злу, своей верности в любви и дружбе они стали любимыми образами грузинского народа.

Поэзия Руставели вошла в сердце и в память поэтов народов Советского Союза, она благотворно отразилась на всем развитии грузинской поэзии. Поэма «Витязь в тигровой шкуре» известна за рубежом. На торжества восьмисотлетия со дня рождения Шота Руставели приедут поэты и ученые Запада и Востока. Могучие поэты Востока — современники Руставели, такие поэты, как Низами, Джалаледдин Руми, Омар Хайям, Саади, Фрик, будут иметь представителей в лице наследников — сегодняшних поэтов — на празднике своего грузинского собрата.

«Не мешала их объятьям разность стран их и племен»,— восклицал Руставели, описывая встречу Фридона с Автандилом. А когда начинает свою песню Автандил, на ее зов приходят

Инды, греки и арабы с двух сторон из-за границы,
Франки, русские, иранцы и египтяне-мисрийцы...

Руставели изобразил людей, добивающихся своего счастья упорной борьбой, воспитанием души и верой в друзей:

Друг для друга да послужит, не щадя себя ни в чем.
Должно сердцу быть для сердца и дорогой и мостом!

Советские поэты многие годы проходили дорогами и мостами дружбы, и эти дороги все ширятся, и на этих дорогах мы приветствуем сегодня поэтов всех стран, чьи песни вливаются в наш гимн мира и дружбы народов!

Люди разных поколений будут гостями Грузии в дни торжеств, посвященных юбилею Шота Руставели. Но особенно приятно, что молодежь со всех краев нашей Родины, которая так жадно знакомится с красотами республик Советского Союза, пройдет по Грузии специальным туристским маршрутом, который так и называется — «По следам Руставели». Он лежит через памятные исторические места, которые дадут возможность советским юношам и девушкам ощутить дыхание далекой эпохи, почувствовать присутствие поэта, насладиться живописностью страны — родины великого Шота Руставели.

Они увидят прелестный Телави, где их встретит современник Руставели, девятисотлетний чинар, пройдут по зелено-жемчужной Алазанской долине к Алавердскому храму, свидетелю народных трагедий и народных празднеств, видевшему и Давида-Строителя, и многих иноплеменных завоевателей, и самого Шота Руставели, потому что, по преданию, он учился в соседнем Икалто, где была знаменитая Академия, воспитывавшая философов и поэтов, переводчиков и ученых-исследователей.

Пусть молодые люди придут в Икалто к закату, чтобы насладиться тишиной и вещим покоем старых руин. Пусть потом они пройдут на другой конец Кахетии, за Сигнахи, и подымутся на высоты, где стоит крепость Тамарис-цихе, с которой Зичи рисовал замок каджей. Стоит видеть раз в жизни эту поэтическую крепость, где дается полная воля вашему воображению. Там как будто и сегодня звучат строфы Руставели и возвращают немыслимые времена.

Рустави у Ахалцихе и Рустави, где хозяйничают искусные мастера сегодняшней Грузии,— разные места. Но их надо посетить обязательно, потому что само звучание их имен напоминает имя Руставели. И металлурги Рустави и колхозники у Ахалцихе знают бессмертную поэму, а их мирные подвиги говорят о новом эпосе наших дней, о преображенной родной стране, о новом, социалистическом веке.

Нужно подняться к пещерному городу знаменитой Вардзии и среди остатков древней культуры, в этом изумительном скальном мире, где отовсюду на вас смотрят пещеры, как бы хранящие следы некогда богатой событиями жизни, вы увидите изображение молодой вдохновительницы Шота Руставели — блистательной Тамар, еще не вышедшей замуж, не носящей жемчужной нити и повязки под подбородком. В каменных стойлах как будто только что стояли кони, на которых уехал Шота Руставели со своими друзьями. Ангел с распростертым крылом — одним, второе вместе со стеной разрушило землетрясение — посмотрит на вас неповторимым взглядом двенадцатого века, и вы надолго запомните этот слегка затуманенный взгляд.

На обратном пути вы увидите на отвесной высоте стены крепости Тмогви и башни Хертвиси, так удивительно говорящие о временах, когда рыцари ехали в походы, когда караваны купцов шли по дорогам между виноградников и священных рощ, когда со стены замка женщины следили за одиноким всадником, дорогим их сердцу...

И осмотрев Гелати, которые хотели быть Афинами Грузии, вы вернетесь в Тбилиси, и спуститесь к каньону реки Верэ, и в прохладной тени Бетании увидите чудесное создание забытых мастеров, и на стене церкви — Тамар, уже царицей. Эта роспись сделана при жизни царицы по особому заказу.

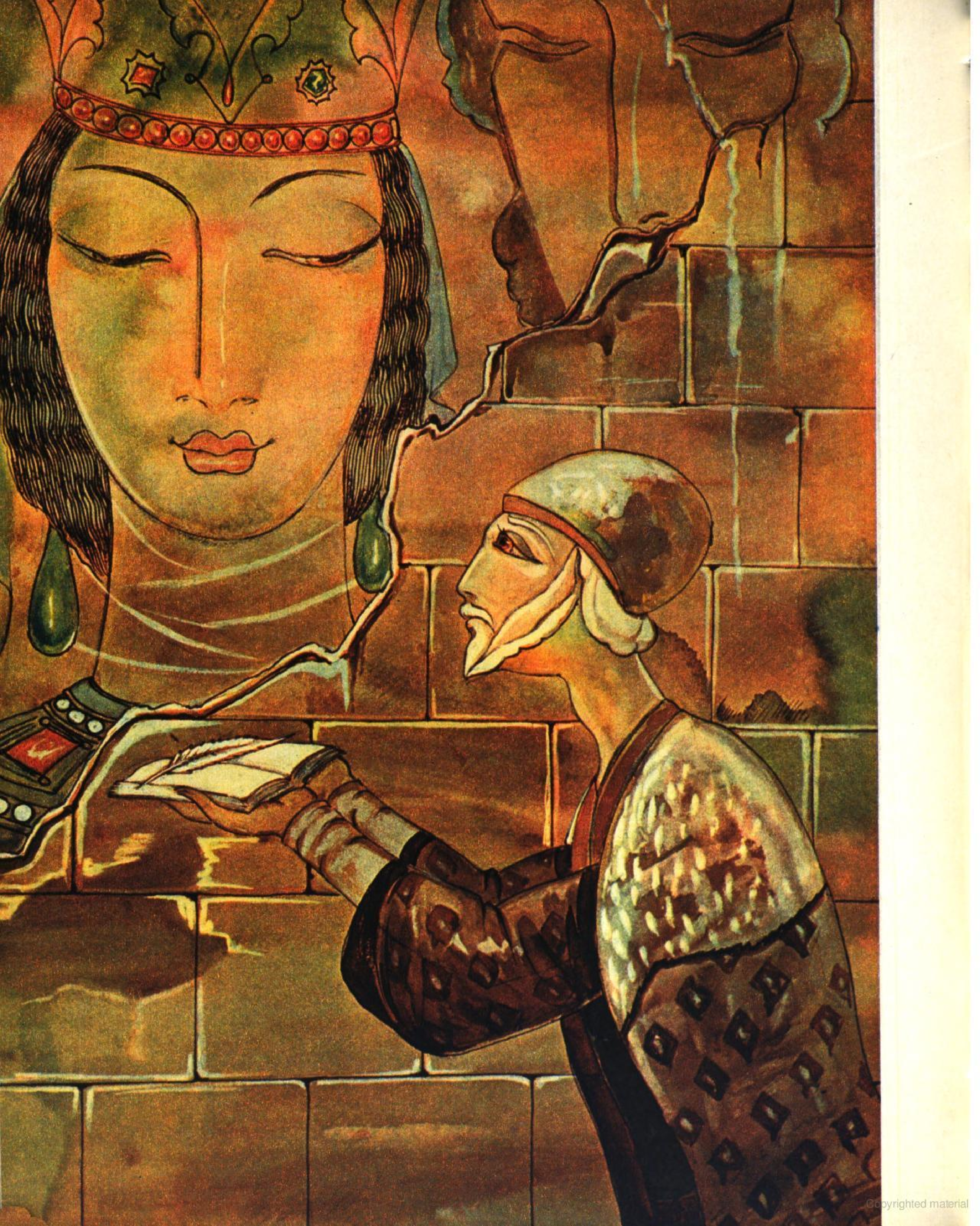
После такого странствования в область древности и поэзии всех ждет Тбилиси, шумный, не похожий ни на какие города, и в нем бьет ключом современность, которая сегодня празднует великого поэта и великую поэзию. Поэма «Витязь в тигровой шкуре» известна сегодня каждому культурному человеку в нашей стране.

Великий гуманизм Руставели влился в новый гуманизм советского века. Верность в любви и в дружбе, несмотря на всю сложность времени, живет сегодня и представляет не такое уж необычное явление. Готовность идти на жертву мы видели своими глазами, и сами испытывали это чувство в годы, когда смертельный враг грозил самому существованию нашей родины. Презрение к смерти показали герои всех народов Советского Союза!

И праздник Шота Руставели в Грузии и всюду в Советском Союзе будет нашим общим, поэтическим праздником, пиром дружбы и верности!

Портрет Шота Руставели. Фреска из Крестового монастыря в Иерусалиме.

БЛИЗКОЕ, СВОЕ

Алексей ТОЛСТОЙ

Я прочел новый перевод Руставели, и хотя не занимаюсь рецензированием литературных новостей, но не могу удержаться, чтобы не высказать несколько мыслей, вызванных у меня этим поистине чарующим переводом. Я не собираюсь хвалить переводчика: он стоит выше похвал.

Я хочу высказать нечто вроде благодарности, признательности переводчику Ш. Нуцубидзе за то, что я, русский, советский читатель, благодаря его переводу ощутил твердую почву под всеми своими стремлениями верить, признавать величие Руставели. Нам, не владеющим грузинским языком, до сих пор всегда было ясным, что преподносимые нам переводы звучат как подстрочники, как вещи, неидентичные гениальным строкам Руставели. Но вот настал праздничный день открытия памятника, и Ш. Нуцубидзе принадлежит честь снятия своим переводом покрова с величайшего памятника грузинской культуры.

Мы всегда были убеждены, что Руставели есть то, что мы до сих пор не знали из-за плохих переводов, то, что мы только ощущали. Теперь все великолепие поэмы раскрыто в переводе Ш. Нуцубидзе.

Из предисловия переводчика ясно, что он ставил себе две задачи: научно-исследовательскую и литературно-художественную. Я считаю, что переводчик правильно понял свою задачу. Для меня стало совершенно ясно, что раскрыть Руставели как литературно-художественное явление — значит поставить и разрешить большую научно-исследовательскую задачу. Этот путь самый верный, продуктивный, я бы сказал, идеальный. Именно поэтому он и самый трудный, для которого требуется сочетание таких данных, которые встречаются очень редко.

Мы бываем довольны, если литературовед обладает достаточным художественным чутьем, являющимся необходимым восполнением его историко-литературных исканий. Сочетание литературоведа с подлинным, большим поэтическим талантом — явление исключительное, и я должен признать, что Ш. Нуцубидзе — такой исключительный пример. Он, несомненно, преодолел все трудности своей задачи и спустя семь с половиной веков после создания поэмы стал достойным истолкователем поэтических замыслов Руставели и воспроизводителем его чародейских напевов. Перевод Ш. Нуцубидзе не только научный труд, но его поэтическое творчество.

Когда я вслушивался в ритмику и в строфическое построение, в звучание четырехстрофных рифм, мне показалось, что это близкое, свое звучание русского стиха. Также я чувствовал, что из глубины музыкальных строк звучит архаичность, уносящая в исторические дали.

Особенно интересной мне показалась строфа, которая, со слов Ш. Нуцубидзе в грузинской теории четырехстрочного, сплошь рифмованного стиха называется «длинным шаири». По внешней форме четырехстишия — как хорей, на самом деле они написаны дактилем, что соответствует ритму Руставели. И дактилические строчки звучат как хорей, приближая их в русском переводе к русской напевности. Чередование мужских и женских рифм в строфах идет с виртуозной последовательностью. Впечатление усиливается тем, что рифмы звучат за пределами последнего ударения.

В тех же случаях, где рифма ограничивается пределом двух слогов женской рифмы, вступает созвучность предшествующих согласных. По-видимому, у Руставели созвучность звуков играет большую роль, так как этим в переводе достигается особенная музыкальность. Чередование мужских и женских рифм и вся хореически-дактилическая ритмика строфы преодолевает все трудности руставелиевской строфы «длинного шаири».

Этим Ш. Нуцубидзе разрешил для русских переводчиков проблему преодоления дактилических строк при переводе с грузинского на русский.

Так же искусно, проделав огромную работу, передает Ш. Нуцубидзе всю оркестровку чародея стиха — Руставели. Трудно разгадать, каким путем удалось переводчику передать созвучность отдельных звуков, их сочетаний и целых слов — омонимов. До перевода Ш. Нуцубидзе нельзя было и подозревать, что в русском языке имеется такая широкая возможность применения омонимальных рифм. Перевод Ш. Нуцубидзе убедил меня в колоссальной емкости русского стиха. Нуцубидзе действительно удалось доказать, что насыщенная руставелиевская строка целиком укладывается в русскую стихотворную строчку. Мозаичная структура руставелиевских строф и ритмический узор выдержаны переводчиком с непревзойденной красотой. Афоризмы Руставели звучат так, что запоминаются навсегда.

Но самое важное то, что поэтические красоты Руставели нигде не отрываются в переводе от их художественного содержания. На всем протяжении поэмы чувствуется, что шедевры стихотворного мастерства Руставели, его поэтическая канва нужны ему как форма для его идеи. Образы, метафоры, гиперболы и другие поэтические средства переданы так искусно, что я порой забывал, что читаю перевод, а не оригинал величественной и страстной песни о героизме, любви, дружбе и борьбе за счастье людей. Перевод убедил меня, что так мог петь только великий мастер зари великого Ренессанса.

И вот несколько слов о поэме Руставели как памятнике начала мирового Ренессанса. Научно-исследовательская задача переводчика приводит нас к этой проблеме. Раскрывая поэтику, миросозерцание, интернационализм и характер литературного памятника Руставели, переводчик кратко показывает, что во всем этом выявлены элементы Ренессанса, возникшего на Востоке за полтора столетия раньше, чем в Италии.

Во время поездок в Грузию я осматривал памятники грузинской архитектуры, фрески и т. д. Я должен сказать, что, когда я увидел эти памятники X и XI веков, я убедился, что Грузия создала все предпосылки Ренессанса и создала творения, равные Джотто, за два столетия до Джотто. Я еще тогда заинтересовался этим вопросом, хотел ознакомиться с материалами и расспрашивал о существующей по этому вопросу литературе. Мне было известно, что буржуазная наука замалчивает вопросы культуры Востока. У нас этими вопросами еще не занялись. И вот раскрытие Руставели в переводе Нуцубидзе, а также работы Нуцубидзе о грузинском Ренессансе, основанные на сравнительном изучении литературы и философии Востока и Запада, убедили меня в правильности моих впечатлений от грузинских памятников искусства.

Я убедился, что памятники грузинской архитектуры, грузинский орнамент и грузинская фреска X—XI веков не стояли изолированно от культурной жизни Грузии, а представляли органическую часть того духовного подъема, который составлял содержание грузинского Ренессанса.

С другой стороны, грузинский Ренессанс, конечно, составлял часть Ренессанса на Востоке, но Грузия занимала здесь центральное место. В то время как в Западной Европе была еще тьма средневековья, Восток зажег свет культуры и на основе наследия античной культуры дал многое свое, переработал и усвоил это наследие и при первой же возможности озарил свою жизнь светом Ренессанса. Восток указал путь странам Запада в сторону Ренессанса.

Я считаю, что нам, людям советской культуры, как можно скорее надо освободиться от привитых нам учебниками западной буржуазной науки трафаретов в вопросе взаимоотношения культур Востока и Запада, в частности о месте возникновения Ренессанса. Дело чести советской науки — отбросить отжившие теории буржуазной науки и заняться изучением восточного Ренессанса. В свете такой постановки вопроса, обязательной для советской науки, литературно-художественная и научно-исследовательская работа Ш. Нуцубидзе представляет особенную ценность. Выявление подлинного лица такого памятника, как поэма Руставели, дает точную фактическую базу для научного изучения восточного Ренессанса. Научные наблюдения и выводы Ш. Нуцубидзе представляют первый и решительный шаг в этом направлении и правильно ориентируют в вопросе о колыбели Ренессанса.

Советская общественность должна не только с большим сочувствием встретить начинание Ш. Нуцубидзе, но поддержать его всяческим содействием. Надо выявить все памятники восточного Ренессанса, особенно республик, входящих в наш Советский Союз,— Грузии, Азербайджана, Армении, Таджикистана... Нам, русским, надо порыться в памятниках славяно-византийских отношений из той же эпохи. Дело не может ограничиться только художественно-литературными памятниками,— следует выявить и опубликовать памятники философские, юридические, песенные, словесно-фольклорные и памятники материальной культуры.

Работа Ш. Нуцубидзе показала нам, чего можно добиться при любовном отношении к памятникам большой культуры и в каком направлении и какими путями надо идти. Творческое воспроизведение Руставели, выполненное Ш. Нуцубидзе, открывает новую эпоху изучения Ренессанса Востока. Надо немедля приступить к работе. Наше прошлое нас к этому обязывает, а наше настоящее этого требует. В этом вопросе политика Советской власти по охране и возрождению культурного наследия народов Союза имеет один из самых реальных объектов применения.

Такие мысли породил у меня этот удивительный перевод, оснащенный соответствующим научным исследованием, и я счел своим долгом, выражая свою благодарность переводчику, поделиться ими с читателем.

Статья А. Толстого о переводе Ш. Нуцубидзе (1941 год) впервые опубликована в журнале «Литературная Грузия» № 6, 1965.

Ладо Гудиашвили. ДОРОГОЙ ПОДАРОК. Иллюстрация к поэме «Витязь в тигровой шкуре».

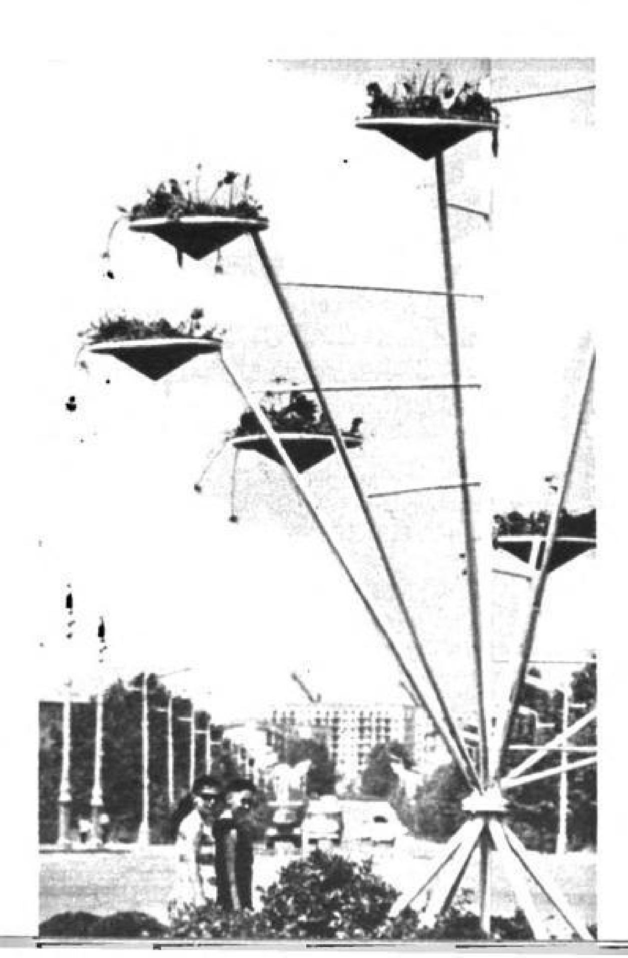

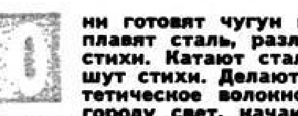
Все мы сумеем и вынесем.
Длится положенный путь.
Стань же в поэзии витязем,
Барсову шкуру добудь!
Стрелки колеблются мерные...
Время, мы будем бессмертными!

Тамаз ЧАВЧАНИДЗЕ,
электрик

ЗВЕНИТ СТРО

Ия МЕСХИ, И. ТУНКЕЛЬ. Перевод стихов с грузинского Алексея ЗАУРИХА.

Они готовят чугун в доменных печах, плавят сталь, разливают ее и пишут стихи. Катают стальные трубы и пишут стихи. Делают капролактам, синтетическое волокно и пишут. Дают городу свет, качают для него воду...

Отчего же они пишут стихи?

Во-первых, им этого хочется, и, во-вторых, они это могут. И то и другое великолепно.

Хочется выразить себя, свою гордость или любовь, свое состояние — радостное, печальное, бодрое, всякое. Хочется рассказать всем, что увидел, чему удивился...

Идет бригадир по цеху, заметил девушку-оператора на мостике прокатного стана. Стоит в голубом платочке нежное создание, а вокруг по рольгангам шныряют раскаленные трубы, дымятся, как гигантские сигары. Она их разбрасывает, раскатывает, повелевает ими легким нажимом на кнопку. Тысячу раз, может быть, пройдешь мимо нее. «Что в ней особенного?» — скажет озабоченный, скучный, бескрылый человек. «Да ты посмотри хорошенько: она ведь царица!» — скажет поэт. И озабоченный взглянет еще раз, может быть, махнет рукой, а может быть, и не махнет. Может быть, увидит: красивые подруги в цеху, красивый цех. Улыбнется.

В городе много мальчишек — в городском парке, у озера, на руинах древней крепости. Крепость — трехслойный пирог. Первый слой — начало нашей эры, второй — XI—XIII века, третий — XVII. Руставская крепость — город Рустави — поэт Шота из Рустави, Шота Руставели. Возможно, это и есть Рустави руставелиевский? И рождаются строки о встрече на крепости с мальчишкой по имени Шота. Быть может, именно он нашел здесь детство, потерянное поэтом?

А пишет стихи бригадир металлорезчиков,

Утра раннего росное чудо...
И бежал он легко, как никто.
— Ты откуда, мальчишка, откуда?
— Из Рустави я, дядя... А что?

Сосны старые ветками машут.
Звонкой синью манит высота.
— А скажи, как зовут тебя, мальчик?
— А зовет меня мама Шота...

Ипполит ШАВЛАХАШВИЛИ,
бригадир резчиков

Акации цветут на улицах веселых,
волнуются они, то звонки, то тихи,
бунтует легкий хмель в их нежных
майских соках,
акации поют и просятся в стихи!

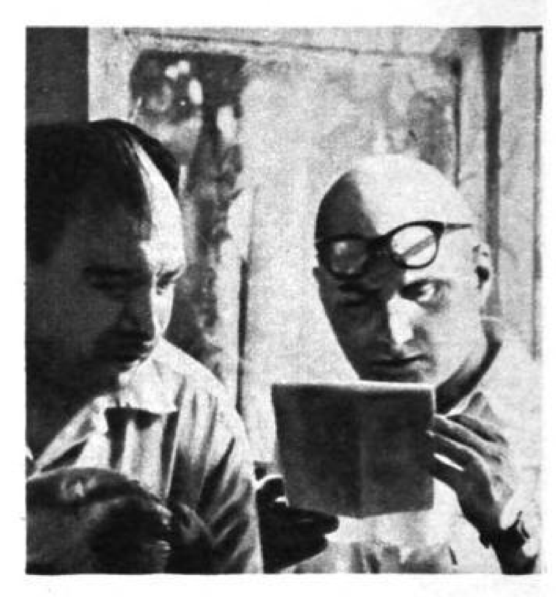
Георгий ЧАВЧАНИДЗЕ,
бригадир трубопрокатного цеха

КА РАБОЧАЯ

Хочу, чтоб мы стихи твои листали,
Чтоб пел простор, чтоб листья сладко пели.
Рассвет. Восходит солнце.
Ждет Рустави,
Он ждет тебя, о новый Руставели!

Васо АПЦИАУРИ,
фотограф

Бригадир трубопрокатного цеха Георгий Чавчанидзе просматривает корректуру коллективного поэтического сборника.

Струи стали упруги и шатки,
брызжут искрами, плача навзрыд.
О, услышать бы с верхней площадки,
как девчонка с огнем говорит!

Георгий ЧАВЧАНИДЗЕ,
бригадир

...Конь мой сказочный
вверх по Иори взлетает!
Горы, вот вам горячее сердце мое —
льды растопит оно, и морозы растают!

Павле ХАХАШВИЛИ,
старший разливщик стали

Этот шелест бесшумный, улыбка лазури!
Как лучи, эти нитки текут без конца,
и звенят, и похожи на струны чонгури.
Это пряжа поет, задевая сердца.

Мзия КУБЛАШВИЛИ,
инженер

работающих на копре. Ему, руставскому металлургу, так хочется быть земляком великого своего собрата по перу!..

А вот другой бригадир; он уносится мыслями далеко на родную Полтавщину. Ночь. Горит настольная лампа. Город мирно дышит за окном. Теперь этот город стал родным:

Я пишу тебе, мать, эти строки,
Когда милая Грузия спит...

Как это происходит, рождение поэтических образов? Когда начинает звенеть строка? Почему миллион раз смотришь на капроновые нити и видишь капроновые нити, а в миллион первый раз они кажутся тебе струнами поющей чонгури? Как приходит вдруг жгучая тоска по дорогим сердцу снежным вершинам — у изложниц с горячей сталью или много позже, когда снята рабочая роба, принят душ и ноги сами легко выносят тебя из заводской проходной?

И вот перед тобой новый город, город, которому всего лишь 18 лет, а за городом старые-престарые горы, немного печальные, немного понурые. И в тебе вдруг разливается какая-то нежность, какая-то щедрость...

— Возьмите, горы, мое горячее сердце!..

Лепестки к сердцам подкрались —
ни развеять, ни забыть.
...Может, я тебе не нравлюсь,
слышишь, парень, может быть?

Анико ИМЕДИДЗЕ,
сотрудница Дворца металлургов

Живет в Рустави пятьдесят рабочих-поэтов. И с ними их старшой — педагог, солдат и писатель Мумладзе Карпэ. По пятницам они спешат в свой Дворец Прометеев — Дворец металлургов. Спешат к музам своим, как к невестам на свидание. По пятницам они пируют с музами.

Впрочем, что значит пируют? Читают, слушают, спорят. И снова читают, слушают, спорят. Потом открывают свою Летопись, чтоб занести в нее итоги пира со всеми спорами, со всеми строками, рожденными в спорах. Начата Летопись в одна тысяча девятьсот шестьдесят первом году. И девиз ее — 12-я строфа из поэмы Шота:

Есть в поэзии теченье слов, премудрых и святых,
Счастлив, кто благоговейно высоту ее постиг...

Итак, о последнем, о счастье тех, кто постиг. О тех, кто делает чугун, сталь, искусственное волокно и... пишет настоящие стихи.

Позавидуем им. Погордимся ими!

Н. БАЛЬМОНТ-БРУНИ

БАЛЬМОНТ И «ВЕПХИСТКАОСАНИ»

Я с детства помню о преклонении моего отца, поэта Константина Бальмонта, перед великим Шота Руставели, и мне хочется рассказать о тех далеких годах, когда я впервые услышала о «Вепхисткаосани». Это было в 1912 году. Мы жили тогда во Франции (Бальмонт был выслан царским правительством за пределы родины в 1902 году). Бальмонт уезжал иногда в далекие путешествия; и вот где-то на пути к Канарским островам на английском пароходе «Афина» он встретился с Оливером Уордропом, братом Марджори Уордроп, переводчицы поэмы Руставели. Уордроп подарил Бальмонту книгу, только что вышедшую в том же, 1912 году,— английский прозаический перевод «Вепхисткаосани». Отец писал нам об этой книге еще с парохода, цитировал отдельные, поразившие его места английского текста, предпосылая этому слова: «Вот что говорит Руставели». Книга Марджори Уордроп, испещренная карандашными пометками Бальмонта, с вложенным в нее листком — первые попытки перевода,— сейчас находится в Литературном музее Грузии.

Прошло около года; в 1913 году мы жили в тихом в то время квартале Пасси, неподалеку от тенистого парка Трокадеро; Бальмонт, как и моя мать, много работал; люди бывали у нас только по воскресеньям вечером. И тут однажды в неположенное время к нам пришел грузинский поэт Паоло Яшвили с двумя или тремя своими приятелями-грузинами. Он принес и оставил Бальмонту большую книгу в кожаном тисненом переплете, с великолепными гравюрами Зичи, книгу, напечатанную на таинственном, незнакомом мне языке, немного напоминавшую том «Тысячи и одной ночи», но которую, к моей радости, можно было перелистывать с начала, а не с конца, как арабские сказки.

Я хорошо помню Паоло — молодой, элегантный, красивый, он с такой горячностью рассказывал Бальмонту о «Вепхисткаосани», что не мог усидеть на месте, постоянно вскакивал и продолжал разговор стоя, обмениваясь со своими друзьями короткими фразами на грузинском языке или читая — помнится, наизусть — отрывки из поэмы Шота Руставели. Они приходили не раз. Впоследствии я часто рассматривала бессмертную книгу (ее нельзя было уносить с рабочего стола отца), и отец рассказывал мне о ее героях, об их злоключениях.

Весной семья наша уехала в Россию, а отца во Франции задержали дела, и задержали надолго, так как началась война 1914 года. Он приехал в Россию лишь летом 1915-го.

С осени — это было еще в доме моей бабушки, в Брюсовском переулке в Москве — к нам стал приходить молодой грузинский поэт Тициан Табидзе.

Тициан был необычайно привязан к Бальмонту, горячо любил его, принимал самое горячее участие в работе отца над переводом «Вепхисткаосани», доставил Бальмонту какие-то материалы, сопровождая его постоянно на выступления, помогал ему в освоении грузинского языка... И очень принимал к сердцу неудачи или перебои в ритме работы Бальмонта, иногда огорчаясь, как ребенок.

Бальмонт знал много языков, помимо европейских, и, пленившись каким-нибудь произведением, переводя его на русский язык, не мог удовлетвориться европейскими подстрочниками; всегда с увлечением занимался новым для него языком, стараясь возможно глубже проникнуть в тайну его красоты.

В ту пору Бальмонт был очень увлечен историей Грузии, ее обычаями, ее героями, деятельно изучал грузинский язык.

В конце сентября 1915 года Бальмонт поехал в Грузию, где ему устроили небывалую торжественную встречу. На первом же вечере в Тбилиси он прочел эти стихи:

Скажите вы, которые горели,
Сгорали и сгорели, полюбив,
Вы, знающие строки Руставели,
Вы, чей язык так странен и красив,
Скажите, как мне быть, я весь
порыв,
я весь обрыв —
И я нежней свирели.
Мне тоже в сердце вдруг вошло
копье,
И знаю я, любовь постигнуть
трудно,
И сделаю я все, что безрассудно,
Но пусть безумье будет обоюдно,
Хочу, горю, молюсь, люблю ее!

В 1917 году в издании Сабашниковых в Москве вышел первый русский перевод поэмы Руставели с предисловием самого же Бальмонта.

Из статьи «Бальмонт и Грузия». Полностью печатается в журнале «Литературная Грузия».

Афоризмы

Можно сказать, что целые поколения грузинского народа мыслили нравственными категориями Руставели, составив из его афоризмов своеобразный кодекс морали личной и общественной.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

* * *

Не прислушивайся к сердцу и к велениям страстей,
Делай то, чего не хочешь, а желанья одолей.

* * *

Порой слова ценней молчанья, а иногда приносят вред.

* * *

Бесполезны все науки, коль творим не то, что надо,—
Посуди, какая польза от закопанного клада?

* * *

«Сходный сходное рождает»,— мудрецы вещают нам.

* * *

Знанье мудрых, их искусство могут погубить невежд.

* * *

Каждый лишь тому полезен, с кем объят одной бедой.

* * *

...Нетрудно мудрым быть в чужих боях.

* * *

Надо жизнь отдать за ближних: это для меня закон.

* * *

Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор!

* * *

Кто презренней ратоборца, опоздавшего в поход?

* * *

Не дается тем победа, кто от клятвы отступил.

* * *

Мудрый друг не бросит друга, несмотря на все лишенья.

* * *

Не забыть о верном друге никогда не вредно нам.

* * *

Надо другу ради друга не страшиться испытаний,
Откликаться сердцем сердцу и мостить любовью путь.

* * *

Кто друзей себе не ищет, самому себе он враг.

* * *

Из врагов всего опасней враг, прикинувшийся другом.
Мудрый муж ему не верит, воздавая по заслугам.

* * *

Верность клятве — мера чести.

И. Тоидзе. БОРЬБА ТАРИЭЛА С ТИГРИЦЕЙ. Иллюстрация к поэме «Витязь в тигровой шкуре».

И. Дивногорцева-Григолия. ТИНАТИН ОДАРИВАЕТ НАРОД. Центральная часть триптиха.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОДВИЖН

Шота Руставели, солнце, луна и великая звезда грузинской литературы, лучше, чем на все другие западноевропейские языки, и наиболее полно переведен на английский язык. Это результат трудов замечательной англичанки по имени Марджори Скотт Уордроп, которая умерла в 1909 году, так и не увидев опубликованным свой перевод эпической поэмы Руставели.

До того как приступила к своей деятельности Марджори Уордроп, в среде ученых Англии не проявлялось интереса к Шота Руставели. То, как она выучила грузинский язык, само по себе демонстрирует ее упорную волю, ее решимость, ее любовь к народу, к языку и культуре, что в конце концов и стало содержанием всей ее жизни.

Она родилась в Лондоне в 1869 году, в самый разгар викторианской эпохи, когда от английской женщины требовалось, чтобы она была образцом скромного приличия, нечто вроде немецкой хаусфрау. Этот идеал немецкой хаусфрау пришел к нам вместе с германским принцем Альбертом, который женился на королеве Виктории. Обожая Альберта, наши снобы из верхушки буржуазии стали обезьянничать, копируя мораль и манеры верхушки немецкой буржуазии, и это, в числе прочего, полностью испортило английскую кухню.

Женщине викторианской эпохи, таким образом, было не к лицу становиться ученым, художницей или исследователем, а то, что многие из английских женщин тех времен все же становились ими, лишь свидетельствует о стойкости женского характера.

Марджори Уордроп вышла из состоятельной семьи, но у нее не было учителя, который мог бы преподавать ей грузинский язык, вызвавший у нее интерес. Как проснулся в ней этот интерес, мы не знаем. Она просто стала изучать язык самостоятельно, с помощью грузинского алфавита и библии на грузинском языке. Позже ей удалось отыскать грузинскую грамматику и словарь. Один француз, М.-Ф. Броссе, проделал до нее то же самое, и ей было это известно. Очевидно, она читала его труды, изданные во Франции, о грузинском языке и культуре, и у нее был какой-то образец, хотя ни от кого она не получала настоящей помощи.

Когда ей было двадцать лет, Уордроп уже твердо решила сделать изучение грузинского языка, литературы, культуры грузинского народа делом своей жизни. Она знала французский, итальянский, русский и румынский языки. В 1885 году было опубликовано описание поэмы Руставели на французском языке, как подражание Руставели, но это едва ли представляло собой то, что нужно было Марджори Уордроп. Немецкое издание поэмы 1891 года, в тот момент, когда Марджори Уордроп была в разгаре своих занятий грузинским, тоже мало помогло, потому что это был не настоящий перевод, а широкое и вольное изложение лишь части поэмы.

Таким образом, она начала переводить то, что она назвала «Витязем в барсовой шкуре», по отрывкам. И в конце концов это

Венера Урушадзе
и Роберт Стивенсон.
Фото автора.

ВЕПХИ ЗНАЧИТ БАРС

ИЧЕСТВО

заполнило всю ее жизнь. Она принялась работать над своим переводом в 1891 году и окончила первый черновик в Керчи в 1898 году. Она продолжала трудиться над окончательным вариантом, но в 1909 году в Бухаресте ее застала смерть. Перевод был опубликован лишь в 1912 году.

Любопытно, что Марджори Уордроп провела больше времени за границей, чем на своей родине. Она жила на Таити, в Восточной Европе и в Петербурге. Десять лет провела в тех краях, что назывались тогда Российской империей. Ее деятельность с энтузиазмом была встречена в Грузии всей грузинской интеллигенцией. В 1894 году ее горячо приветствовали на грузинской земле.

Некоторое время Марджори переписывалась с поэтом Ильей Чавчавадзе, и одно из ее писем, адресованное поэту в Тбилиси, произвело на него такое впечатление, что он напечатал его в газете «Иверия» как образец грузинского стиля и языка.

До перевода поэмы Руставели Марджори Уордроп перевела в 1894 году грузинские народные сказки, и хотя ее первые попытки были не слишком уверенными, именно они предопределили окончательный результат огромной работы над переводом «Витязя в тигровой шкуре».

Мы не знаем, кто написал предисловие к ее переводу в английском издании, но, кто бы он ни был, оценка труда Марджори Уордроп была скромной: «Это представляет собой попытку подлинной передачи, слово в слово, книги, в которой, как в зеркале, отражена душа народа со своей культурой и с великим прошлым; это зеркало потрескалось и затуманилось, но заботливый труд исследователей может скоро вернуть ему блеск и восстановить поврежденное».

Сам по себе перевод был дословным, а не поэтическим, и именно это придало ему на английском языке огромную силу. Если бы Марджори Уордроп попыталась перевести поэму рифмованными стихами или передать ее существовавшим стилем поэзии эпохи Виктории и Эдуарда, перевод не представлял бы особой ценности. Но так как она упорно придерживалась дословного перевода, а не точной передачи ритма, то весь аромат великого эпоса передается через перевод с необычайной силой.

Анонимный автор предисловия так говорит об эпическом произведении Руставели и о его эстетическом значении: «Можно было ожидать, что народ, вся жизнь которого была неустанной борьбой за удержание для христианства мостов между Азией и Европой, вложит в свое величайшее художественное свершение бескомпромиссное выражение Веры, но для Шота гораздо более характерна свобода мысли, чем фанатизм».

У меня есть своя теория об источнике эстетических взглядов Руставели и его рыцарской морали, отличная от всех (включая моих грузинских друзей), но я приберегу ее до будущих празднеств в Тбилиси, где будет более удобно изложить ее, чем здесь. А здесь достаточно сказать, что Марджори Уордроп страстно разделяла высокие цели, которые ставил перед собой Руставели, и все, что она делала, было проникнуто каким-то героическим благородством.

Предисловие говорит, что она жила во многих странах и часто видела пушечный огонь, раздоры и волнения, но «спокойно, не падая духом, встречала войны, эпидемии и другие опасности... и делила испытания, радости и горе с народами, среди которых она жила».

Было бы неправильным считать, что перевод Марджори Скотт Уордроп поэмы «Витязь в тигровой шкуре» широко известен на Западе. Он почти неизвестен и уже давно не издавался. Правда, в 1938 году в Москве он был переиздан на английском языке, и это издание еще можно найти. Но первое оригинальное издание известно теперь лишь нескольким ученым.

О Руставели нет упоминания ни в каких американских и английских энциклопедиях, и поскольку в таком справочном издании, как «Энциклопедия Британика», которой теперь владеет американская католическая церковь, должен был бы звучать голос мировой культуры, и в частности христианской культуры, кажется странным и неправильным то упущение, что в этом издании не нашлось места для одного из величайших поэтов средневекового христианского мира. Может быть, потому, что взгляды Шота Руставели были более передовыми, чем у этих людей сейчас? Но я снова увлекся вопросом об источнике его морали, который, как я думаю, был абсолютно не понят большинством исследователей. Во всяком случае, наша интеллигенция по-прежнему не знает о Руставели и как о поэте и как о философе, хотя наши ученые знакомы с ним хорошо и в Оксфорде сейчас относятся к поэту гораздо более серьезно, чем когда-либо раньше. Особенно лицемерно то, что перед войной и после нее некоторые французские и швейцарские ученые отмечали годовщину Руставели таким образом, при котором подразумевалось, что поэт запрещен в своей собственной стране.

Верьте или нет, но намек на это был вполне ясным.

Когда Ираклий Абашидзе, Акакий Шанидзе и Георгий Церетели отправились в 1960 году в Иерусалим, чтобы увидеть еле сохранившиеся последние слова Руставели, написанные на стене грузинского Крестового монастыря, они искали не мертвый, а живой голос, который звучит громче, чем когда-либо, и не только в Грузии, но повсюду в Советском Союзе. И они услышали в стенах монастыря не похожий на звон колоколов голос правоверного христианина, а живой голос великого певца великих песен, приверженца отважного геройства, истинного рыцаря чести, братства и красоты, поклонника верных и любящих женщин. Когда умерла грузинская царица Тамар, она была почти обречена на забвение. Но ее имя сохранилось благодаря Руставели. Мудро помнить, что не поэты нуждаются в королях, а короли нуждаются в поэтах.

Поэты нужны всем нам, а Руставели остается одним из нас, как все мы продолжаем быть вместе с ним. В английском языке перевод Марджори Уордроп перекинул мосты через границы разных языков, разных культур, разных эпох. Марджори Уордроп доносит Руставели до нас живым. За нами остается долг благодарности, и я думаю, что мы можем оплатить его, вспомнив имя Марджори Уордроп в эти дни, во время международных празднеств в честь великого Руставели и его эпического гения.

Лондон.

После полувекового перерыва за перевод поэмы Руставели на английский одновременно взялись двое — английский ученый Роберт Стивенсон, делающий прозаический перевод, и доцент Тбилисского государственного университета Венера Урушадзе, которая решила перевести поэму в стихах.

Будучи одним из редакторов перевода Урушадзе, я воспользовался пребыванием в Англии на шекспировских торжествах в 1964 году и навестил Роберта Стивенсона, научная деятельность которого была хорошо известна в Грузии. Стивенсон откровенно признался в трудностях, связанных с переводом поэмы Руставели. Перед ним, изучившим грузинский язык, так сказать, в парниковых условиях, имеющим перед собой прецедент в виде перевода Уордроп, встала нелегкая задача создать новый прозаический вариант. Однако работает он над ним с глубоким пониманием текста и близок к завершению.

Тут же, в Англии, в 1964 году произошло обсуждение первого английского стихотворного перевода, сделанного Урушадзе. Оно состоялось в гостеприимном доме известного прозаика и поэта Алана Силлитоу и его супруги, переводчицы испанской поэзии на английский язык, Руф Фейрлайт, в присутствии Роберта Грейвза, видного представителя старшего поколения английских поэтов.

Говорили, кстати, о названии поэмы. Марджори Уордроп (а вслед за ней и Бальмонт) переводила его как «Витязь в барсовой шкуре». Впоследствии уордроповского «барса» стали заменять «тигром». Но образ свирепой тигрицы в представлении англичан никак не гармонировал с идеалом женской красоты и грации. Тонкий знаток своего языка и блестящий стилист, Роберт Грейвз со свойственной ему эмоциональностью доказывал, что художественная, поэтическая логика исключает сравнение героини романтической поэмы с тигрицей. Но все эти доводы опровергались просто: ведь в оригинале сказано «вепхи», то есть «тигр». Как будто и спорить ни к чему!

Однако за последние два года кое-что изменилось. Готовясь к юбилею Шота Руставели, грузинские исследователи провели большую работу над текстом поэмы, а также пересмотрели вопрос о переводе заглавия. Они установили, что современное значение «вепхи» как «тигра» — сравнительно новое. Правильно и первоначальное его значение — барс, пантера. Об этом же говорят и древние рукописи, в которых иллюстраторы поэмы изображали пятнистую пантеру, а не полосатого тигра.

Итак, Марджори Уордроп была права: надо писать «Витязь в барсовой шкуре». Так будет звучать и заглавие новых английских переводов Венеры Урушадзе и Роберта Стивенсона.

Недавно тбилисским переводчику и редактору снова пришлось поработать в Англии и получить ценные консультации у известного грузиноведа профессора Лэнга, у знакомого уже нам Алана Силлитоу, Памелы Джонсон, Джека Линдсея и других. Основную редакторскую работу проделал опытный переводчик и редактор Кэвин Гроссли-Холланд.

Нико КИАСАШВИЛИ

Алио АДАМИА

Горы и поэма

Как и сейчас, они стояли
Под синью снеговых вершин.
Века гремели
И молчали,
И был у гор
Поэт
Один!

Несметны те, кто жал и сеял,
Спасал отчизну от беды.
Но все
Поэмой
Руставели
Воспеты были,
И —
горды!

Когда монголы шли ордою,
Стих Руставели в бой вступил:

Он был мечом,
Он был стрелою,
Он самым верным
Другом был!

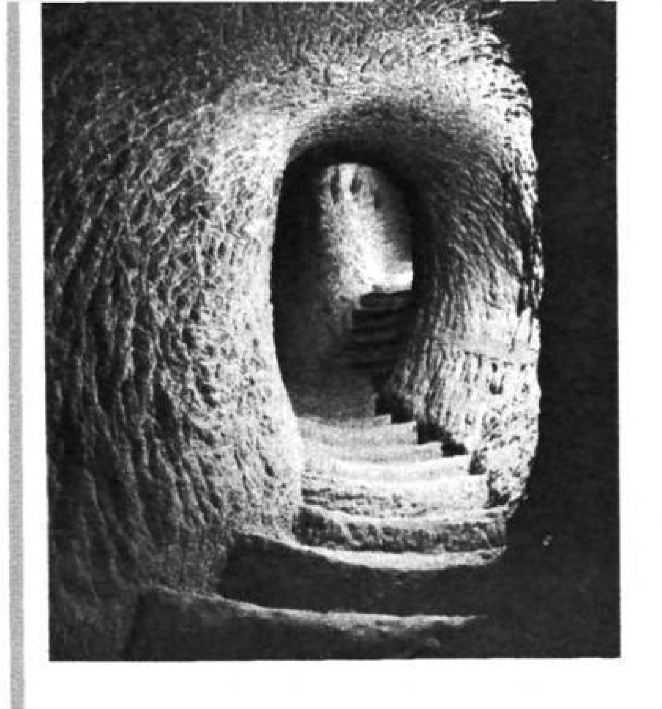
А плугари с ним ликовали...
И, солнцеликость строф вобрав,
Все нивы Картли вызревали,
И были светлыми ветра.

И колыхались колыбели,
И замирали, чуть дыша:
Протяжно строки Руставели
Крестьянки пели малышам.

И над могилою затихшей
Звучала страстная строка.
И был на каждой свадьбе слышен
Напев бессмертный, как страна.

Встают багряные рассветы,
И с каждым днем все ярче стих.
Каким же было сердце это,
Пылающее для других?!

**Перевел с грузинского
Александр Глезер.**

МЕСХЕТИЯ

Репортаж из XII века

Георгий НАТРОШВИЛИ

Месхетия. Южная Грузия. Край суровых горных вершин, тесных ущелий и неожиданно мягких, веселых долин. Край, который упоминается в поэме великого моего земляка, «безвестного месха» Шота Руставели.

Я отправляюсь туда и снова вижу восьмиэтажный город-крепость Вардзиа.

Я еду в Вардзию, и мне хочется увидеть не разрушенный временем и военными непогодами древний пещерный город-музей, а город, который трудится, смеется, поет. И мне уже начинает чудиться: в пещерах давят виноград, а когда закончен дневной труд, в кельях вспыхивают огоньки свечей и летописцы раскрывают свои толстые фолианты, чтобы занести в них то, что случилось накануне в Вардзии, а может быть, во всей Грузии или во всем мире.

...Не так уж далека Месхетия от Тбилиси — всего 215 километров. Этот путь легковая машина одолевает за каких-нибудь три-четыре часа. Всего 215 километров — и 800 лет! Путь из XX в XII столетие не одолеешь ни на «Волге», ни на воздушном лайнере! Мысль и фантазия человека — и те беспомощны здесь. Но, может быть, помогут нам летописцы — свидетели быстротекущих дней?

...Конец XII века. Начало XIII. Содрогается мир. Кровь льется рекой. Крестовые походы. Цель освящена папой: освобождение «Гроба господня» из-под власти «неверных», что значило овладеть сказочными богатствами стран Ближнего Востока.

Закованные в броню крестоносцы рушат, разоряют, грабят восточные города.

И вот именно в эту эпоху в Грузии появляется книга, воспевающая могучую, всепобеждающую силу братства и любви, — «Витязь в тигровой шкуре». Трудно представить себе узы дружбы более прочные, чем те, что связывали Тариэла, Автандила и Фридона.

Я думаю о человеке, который во мраке XII века воспел братство народов, и горжусь тем, что его породила моя земля. Руставели — поэт прошлого и настоящего, поэт всех стран, всех народов и всех времен. Светом красоты и добра искрится каждая его строка — пламенная песнь о человеке, о том, что он рожден быть свободным, счастливым. Это первый луч Ренессанса, великого гуманистического движения, которое имело благородную цель — духовное раскрепощение человека. Не мог сей луч возникнуть из ничего. Был для этого источник. Были в Грузии XII века предпосылки для этих идей. Дошло до нас и имя Иоанэ Петрици, грузинского философа XII века, и имена замечательных златоваятелей Бешкена и Бека Опизари. Не дошли, правда, имена зодчих, возводивших замечательные сооружения на месхетской земле. Но ведь дошли сами сооружения, и они говорят за себя!..

Летописи... летописи... летописи... К сожалению, они не оставили нам точных примет биографии гениального творца поэмы. Зато много сказано о той, которую он воспел, которой посвятил свое гениальное творение. Тамар-царица предстает в летописях мудрейшей из мудрых правительниц страны: за тридцать один год царствования Тамар никто не был по ее повелению наказан плетьми, ни одного смертного приговора не подписала Тамар. Нельзя не заметить связи между этими обстоятельствами и проявлениями гуманных идей в литературе тех лет.

Конечно, Грузия в ту пору была феодальной страной. Были здесь и междоусобицы и клерикальная реакция. Но путь передовых людей озаряло пламя добра. Зрели внутри страны силы, которые рушили твердыни религиозной и национальной ограниченности.

...По дороге в Месхети есть древнее село Начармагеви. Летописец сообщает, что здесь, в этом селе, находилась летняя резиденция царей и что именно здесь произошло коронование царицы Тамар. Нет сомнений, что Руставели присутствовал на нем. Рассказ летописца совпадает с описанием поэта:

...И, лицом своим сияя, Тинатин
возвел отец,
Возложил своей рукою на чело ее
венец,
Дал ей скипетр и закутал всю во
злато и багрец,
Все проникла взором дева,
проницая сонм сердец.

Шота Руставели писал то, что видел, то, что сам пережил, во что верил и чему служил. Наверно, потому и покоряет в его поэме эта удивительная достоверность и фактов и чувств.

Месхетия!.. Здесь каждый камень историей дышит.

Вот крепость Хертвиси, поражающая своей необыкновенно смелой и четкой конструкцией. Увидишь ее — и надолго останется она в памяти.

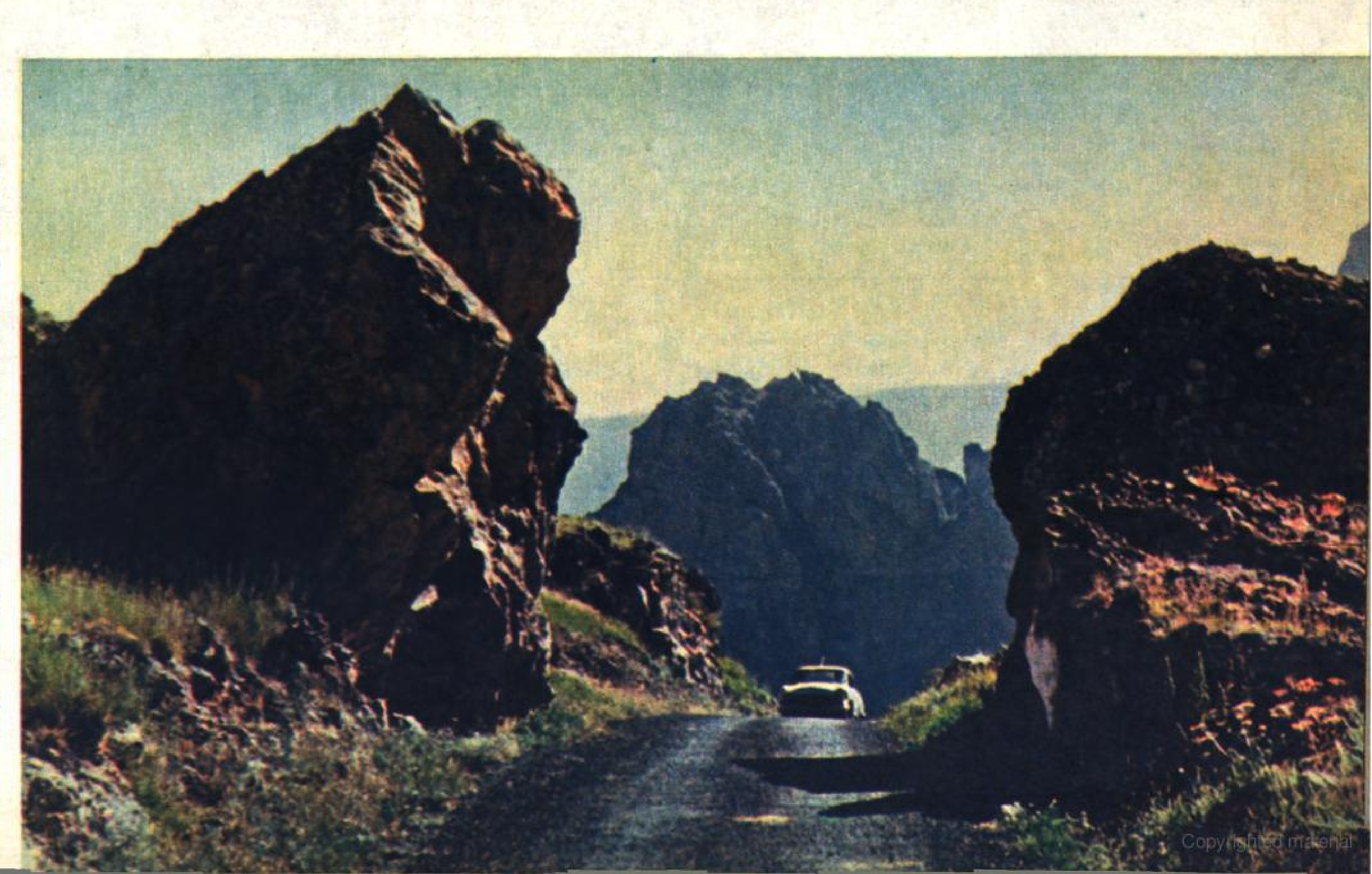
Я смотрю на причудливые массивы колоссальной пирамиды, на которой стоит Тмогвиская крепость, и думаю: какие же руки должны были возводить здесь сооружение, выдерживающее в течение многих веков осады врагов. Ведь Тмогви в XII веке была резиденцией высших военачальников Грузии, и на нее покушались не раз. Но тверд был орешек.

И, наконец, Вардзиа. Летописец говорит: «...Кто пожелает, тот да узрит сам Вардзию и пещеры ее — сие дело рук царицы Тамар...» Вардзиа строилась при ней. Начата отцом ее, Георгием. В храме, высеченном в скале, сохранилась фреска: Георгий и Тамар стоят рядом. Надпись, относящаяся к Тамар, гласит: «Царь царей всего Востока, дочь Георгия, Тамар. Да будет долгой ее жизнь». Живописец писал ее при жизни, писал молодой. Ее энергией и властью построен город, который мог в случае осады спрятать пятьдесят тысяч жителей из окрестных сел. В этом городе были водопроводы и конюшни, церкви и погреба. Даже мельница! Даже аптека!

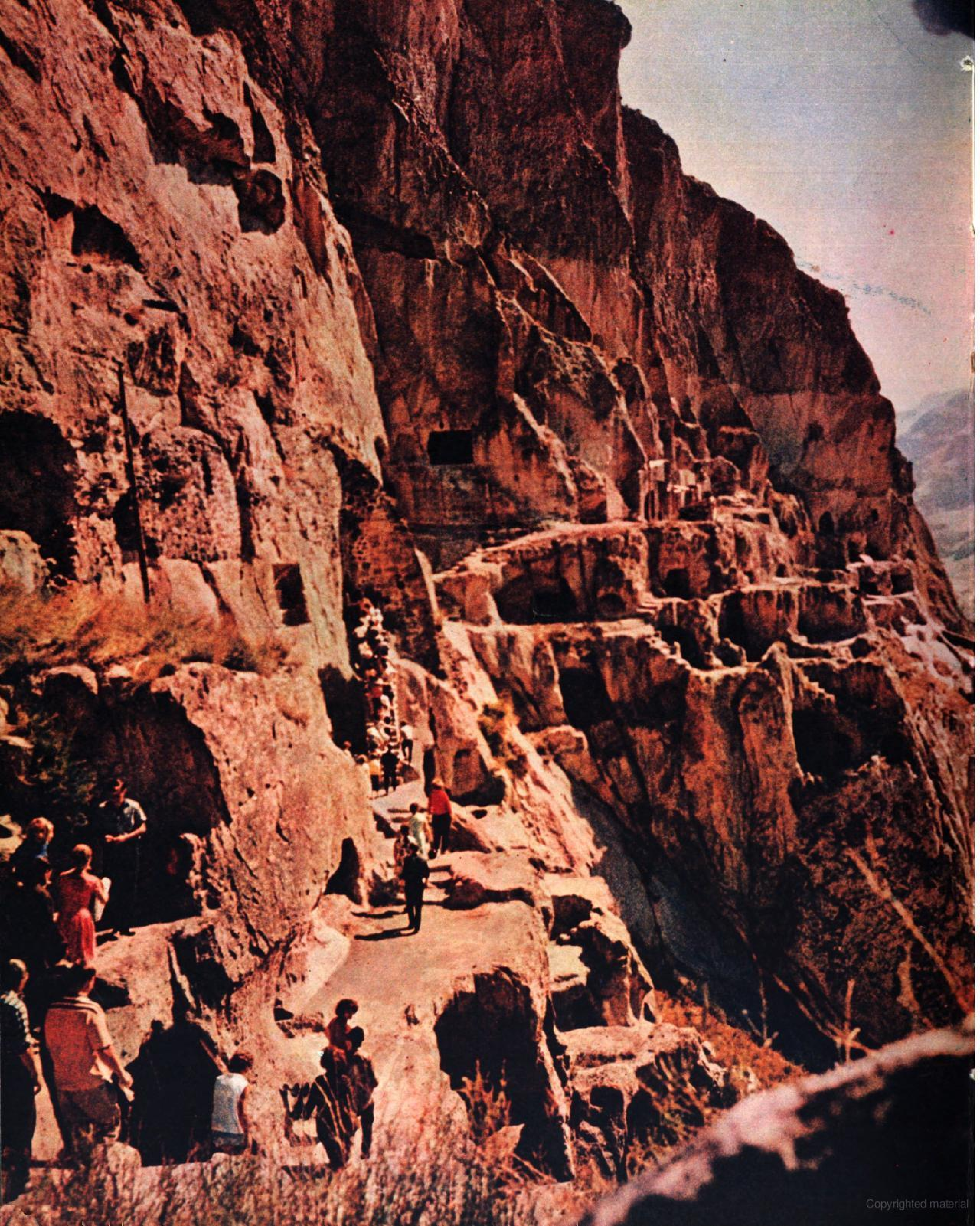
Вардзию строили руки безымянных зодчих, каменотесов и резчиков. Они же украшали ее стены росписью, одевали шершавый камень глазурованными плитами, убирали коврами, шелком и парчой. Именно потому, что были эти руки, появилась и Вардзиа. Именно потому, что были эти руки, цвели на каменистых террасах сады и зрели виноградники. Именно потому, что были эти руки, можно было отогнать назойливых притязателей на чужой лакомый кусок земли. И только они, эти простые, добрые руки, приносили благополучие отечеству, позволяли правителю быть мудрым, если он и в самом деле мудр, а певцу вручали лиру и те незримые крылья, которые поднимали его над всеми и позволяли парить мыслью в веках.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Башни Хертвисской крепости — бдительные часовые при впадении Ахалкалакис-Цкали в Куру.

Дорога в Вардзию... Здесь каждый камень историей дышит.

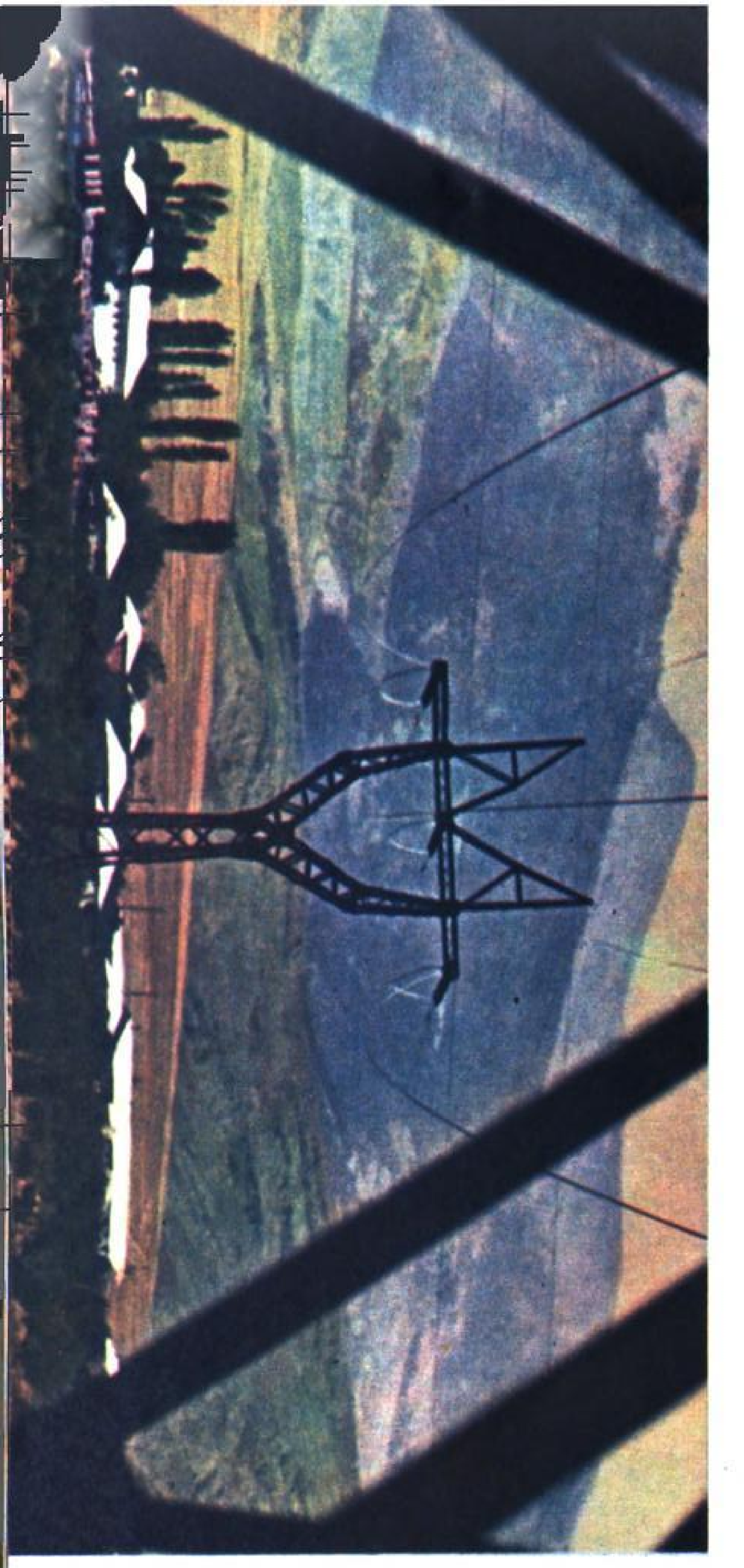

ПАМЯТНИК РУСТАВЕЛИ.

Скульптор — заслуженный художник Грузинской ССР Мераб Бердзенишвили.

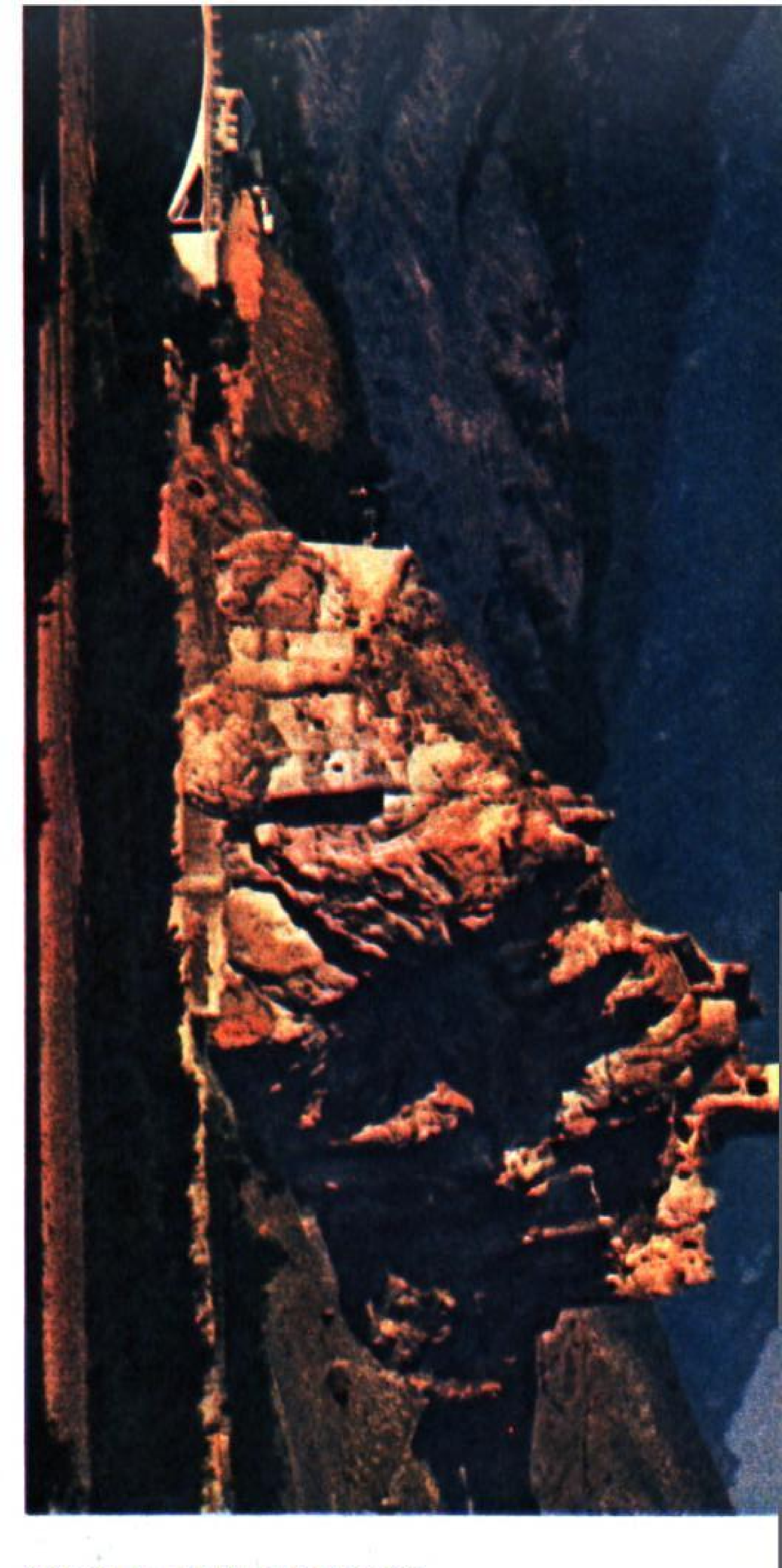
Восьмиэтажный город-монастырь Вардзиа.

Село Рустави. Легенда говорит, что здесь жил Руставели.

Эквтиме Давлашеридзе, шестидесятилетний певец из села Толоши.

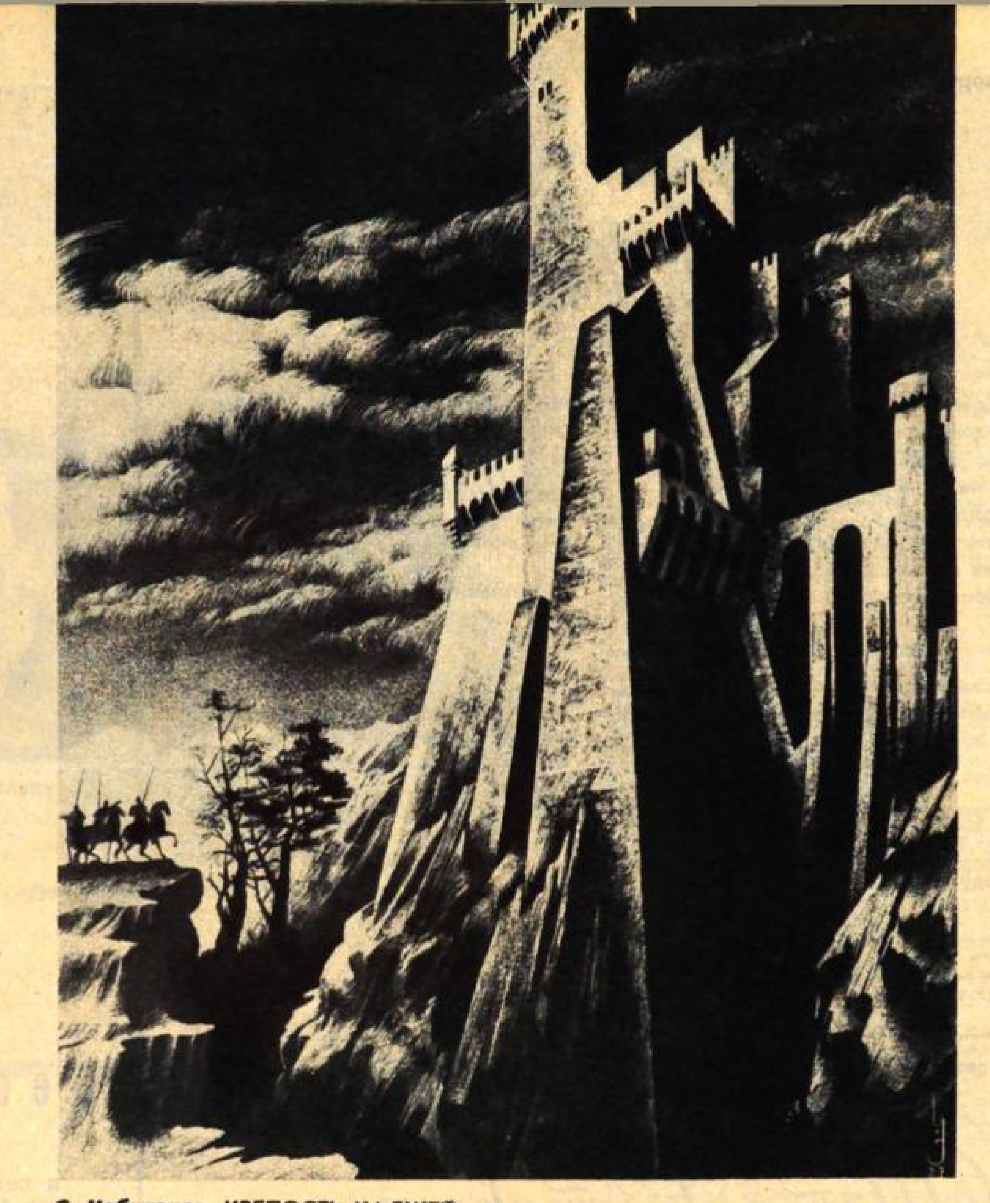
Крепость Ацкури. На пути в Вардзию.

Аскад МУХТАР

Сквозь века

О работа, работа, работа,
Полонившая душу сполна!
Ни сомнений.
Ни жалоб.
Ни пота.
Семь веков не стихает она.
Пашет души невидимым плугом,
собирая невидимый хлеб.
Мечет стрелы всевидящим луком
через сотни стремительных лет.
Молча слушает ветер ответный,
ищет норы,
где хищник залег...
Где же сам ты, о труженик вечный?
Где же сам ты, о вечный стрелок?
Где ты?
Нету
тебя и в помине.
Колесницы летят без возниц,
точно впрямь растворился ты в мире,
из которого
труд твой возник.
Хрупкий челн
на волнах испытаний
в бурном море мирской маяты,
где он, след
твоих бед
и скитаний,
одиссея разбитой мечты?
Перед мощью веков и природы
и гранит беззащитней стекла.
Пали крепости, рухнули своды,
и Кура той поры
утекла.
Где же спросим?
В селенье родимом
нет могилы под черной плитой.
Лишь луга, по которым бродил он,
той же нежной манят красотой.
Скупы надписи, хроники немы,
глух напевов утраченных ритм.
Только голос великой поэмы
нам о нем и о нас говорит.
О искусства великое чудо!
Нам без слов твой понятен исток,
если строчкой, текущей оттуда,
снова боль он
и радость исторг...
Так, рожденная высью седою,
и Кура у скалы под скулой,
хоть другою нас поит водою,
остается
все той же Курой.
И над недрами, спящими глухо,
продолжается жизни река,
и творенья великие духа,
точно реки, текут сквозь века.

Перевел с узбекского
Александр Наумов.

С. Кобуладзе. КРЕПОСТЬ КАДЖЕЙ.

Иллюстрации к поэме «Витязь в тигровой шкуре».

ВСТРЕЧА ТАРИЭЛА С НЕСТАН В КРЕПОСТИ КАДЖЕЙ.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Микел

Ты жил в долгах
и умер ты в долгах,
но подал миру,
в честь и разум веря,—
голодный,
еле стоя на ногах,—
как милостыню,
книгу Руставели.

Богатых разоряет их мошна.
Тебя стихи совсем не разорили.
Они на все века и времена
твой скорбный лоб
сияньем озарили.

Не знаю я,
чьим был ты должником.
Мы все сейчас в долгу перед
тобою.
И я плачу́ тебе своим стихом,
и я плачу́ тебе своей судьбою.

Хотя б ты умер в долговой
тюрьме,
но все равно —
пускай до хруста в теле
все богачи завидуют тебе,
бедняк,
первопечатник Руставели!

Перевод с грузинского
Евг. Евтушенко.

Микел первый печатал поэму Руставели в Тбилисской типографии, основанной в 1710 году.

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Шота Руставели

Много есть чудес на свете, в беспокойном этом мире,
Но деяний добрых слава растекается все шире.
Солнце мудрости восходит в золотой своей порфире,
И, чтоб петь его достойно, я беру размер «шаири».

Как цветок, любимец солнца, что растет из горной щели,
Как поток, который слышит гул заоблачной метели,
Как орел, что с поднебесья бьет по выбранной им цели,
К нам дошло через столетья слово Шота Руставели.

Он для памяти народа совершил благое дело,
Кубок дружбы разделил он меж сердец, что бьются смело,
Дал нам доблесть Автандила и отвагу Таризла,
И деяний этих слава длиться будет без предела.

Пел он верность и отвагу, пел он дружбы достоянье,
Жемчуг мудрости низал он в ожерелья назиданья,
И с тех пор его чонгури к нам доносится журчанье,
И цветут, не осыпаясь, розы древнего сказанья.

Три отважных побратима, три достойные народа
Дали клятву в вечной дружбе до победного исхода,
И три верных женских сердца в песнопениях рапсода
Стали светлым украшеньем человеческого рода.

В шкуру тигра облаченный, смелый «Вепхисткаосани»,
Испытавший силу дружбы на путях своих скитаний,
Верный деве звездоокой, той, чей стан подобен лани,
Дарит нам завет священный, им угаданный заране.

Только дружбе и под силу разорвать коварства сети,
С боем взять обитель мрака, неприступную Каджети,
Верной дружбы единенье побеждает все на свете —
Вот завет, который Шота к нам донес из тьмы столетий.

Чествуй, Грузия, поэта, песнотворца-исполина,
Поднимай свой рог заздравный в честь достойнейшего сына!
Слову мудрости внимает виноградная долина,
И встает его творенье, словно снежная вершина.

Здесь, на пиршестве народов, в пору мирного цветенья
Мы восьми веков сближаем нам завещанные звенья,
И бессмертных изречений драгоценные каменья,
Как наследство, принимают молодые поколенья.

ГЛАЗАМИ СКУЛЬПТОРА

Скульптор в своей мастерской.

Под сенью Метехской крепости, на крутом обрывистом берегу Куры, в дни 800-летнего юбилея Шота Руставели будет установлена громадная конная статуя Вахтанга Горгасали, основателя Тбилиси.

Несколько лет назад скульптор Элгуджа Амашукели победил в конкурсе на лучший памятник основателю города к 1500-летию Тбилиси. С тех пор он работает над памятником. В недостроенном павильоне троллейбусного парка на громадном былинном коне восседает Горгасали, с сильным, строгим и в то же время добрым лицом. Работа готова, остались только последние штрихи. После этого ее отольют на одном из ленинградских заводов. Но, как ни коротки сроки, Элгуджа не спешит: тщательность прежде всего. «Юбилей продлится несколько

необыкновенный вечер

В Петербурге времен черной реакции, как ни странно, активизировалась деятельность концертно-увеселительных комиссий при студенческих землячествах: надо было добывать средства для революционных организаций, которые в те годы терпели один провал за другим.

И вот в декабре 1907 года в большом Театральном зале Петербургской консерватории состоялся вечер Руставели. Решено было придать этому вечеру форму зрительных песен без слов — живых картин из «Витязя в тигровой шкуре». Картины давались точно по Зичи — первому иллюстратору поэмы. Для постановки этих картин специально из Москвы прибыл игравший тогда в труппе МХАТа Ладо Алексеев-Месхиев.

Мы нашли шкуру настоящего тигра, и Серго Кавтарадзе, изображавший Таризла у ручья, выдерживал тяжесть этой подшитой сукном шкуры при неоднократном подъеме занавеса. Серго Кавтарадзе уже тогда был профессиональным революционером-большевиком, а в 1921 году стал первым председателем Ревкома Советской Грузии. Нестан-Дареджан изображала сестра студента Шалвы Шарашидзе, впоследствии известного в Грузии сатирика-публициста. В живых картинах он был самим Руставели.

Интересны судьбы студентки-бестужевки Марии Микеладзе, представшей в роли царицы каджей Дулардухт, и студента-технолога Георгия Николадзе, похитителя Нестан. Мария Микеладзе-Орахелашвили стала первым наркомом просвещения в Советской Грузии, а Георгий Николадзе — видным математиком и металлургом.

Роль царицы Тамар на безрыбье досталась мне, и тогда и сейчас отпетому химику.

В этот вечер мы собрали порядочный куш с богатых петербуржцев, пришедших познакомиться с Руставели, и передали его на нужды революционной организации.

Русадана НИКОЛАДЗЕ,
профессор, зав. кафедрой Грузинского политехнического института

РУСТАВЕЛЕВСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Впервые поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» была издана в 1712 году грузинским царем Вахтангом VI в основанной им в Тбилиси первой грузинской типографии.

* * *

Самым первым переводчиком Руставели был русский ученый Евгений Болховитинов. В изданной им в 1802 году в Петербурге книге «Историческое изображение Грузии» Болховитинов приводит первую строфу пролога поэмы, называя, кстати, поэму «Барсова кожа». Эта книга в 1803 году вышла на французском языке и в 1804 году — на немецком. Таким образом, Болховитинов—первый популяризатор Руставели в России и Европе.

* * *

Перевод поэмы Руставели на русский язык фрагментарно и полностью, в стихах и прозой сделан 16 раз, в том числе полных поэтических переводов — 5. Их авторы — К. Бальмонт, Г. Цагарели, П. Петренко, Н. Заболоцкий и Ш. Нуцубидзе.

* * *

В Центральной части Главного Кавказского хребта, между вершиной Шхарой и Джангой, стоит пик, покрытый шапкой вечных снегов. Его высота — 4 960 метров (выше Монблана!). Неприступный, безымянный, он был и непокоренным. В 1937 году на пик взошли два советских альпиниста — А. Гвалия и Р. Квициани. Они подняли в рюкзаках барельеф Руставели. С тех пор

дней, а памятнику стоять века»,— говорит он.

Тбилиси трудно представить себе без монументальных скульптур Элгуджи Амашукели. «Мать-Грузия» — олицетворение города и народа, возвышающаяся над Тбилиси, купающаяся в солнце и видимая с любой точки города, и зеленовато-медный барельеф Руставели на серой кладке Исторического музея поэтичны, очень конкретны, свежи.

В его мастерской-студии вы увидите почти все его работы. Тут и многочисленная керамика, и живопись, и статуи. Вот аллегорическое воплощение Кахетии — мужская фигура, как бы рожденная из земли и виноградной лозы: темная кожа этого грузинского Вакха упруга, как зрелые ягоды, а местами потрескалась, как земля, которая отдала свои соки винограду. Это будет громадная 16-метровая статуя, которую установят в Телави или Гурджаани.

Многогранен талант художника. Давняя привязанность к народным сказкам, притчам, к истории, к старому народному искусству привела художника к Руставели. Он оформлял издание «Витязя в тигровой шкуре», а рисунки его к одной из легенд — о мальчике, который хотел стать сильнее быка, стали эмблемой детского грузинского издательства.

Сами образы бессмертного «Витязя в тигровой шкуре» уже много лет волнуют художника, и он немало сделал, чтобы передать нам, современникам, свое ощущение творчества великого поэта Грузии.

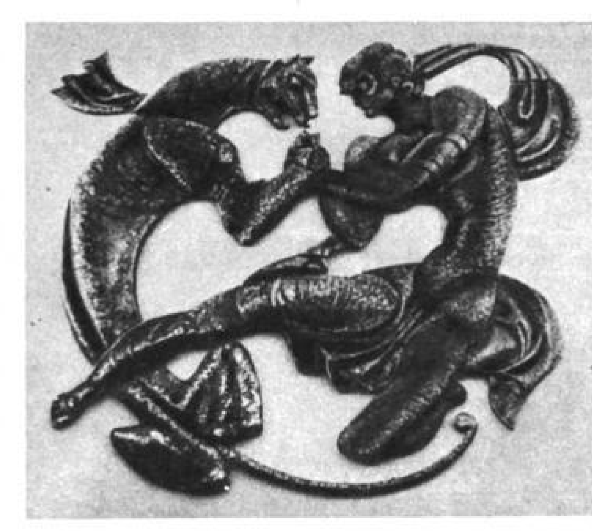
Сцена поединка Тариэла и тигрицы, выполненная Элгуджой в прекрасной чеканке, останавливает каждого на станции метро «Площадь Руставели» в Тбилиси.

У входа на станцию, на розовато-сером граните, искрящемся блестками,— барельеф Шота Руставели. Рядом — силуэт оскалившейся тигрицы. И оба эти рисунка и все пространство рядом с ними испещрены кружевной вязью грузинского письма. Здесь высечены самые известные изречения из поэмы. Неповторимо, красиво и просто.

На этой же центральной площади исстари стоит памятник поэту, сейчас он выглядит несколько архаично. Но в апреле 1967 года закончится конкурс на новый памятник. И в нем, конечно, участвует Элгуджа Амашукели.

Галина СМЕТАНИНА

«Поединок Тариэла и тигрицы» — чеканка Э. Амашукели.

ДОРОГИЕ СЕРДЦУ ОБРАЗЫ

Давнишняя дружба связывает космонавта Валентину Николаеву-Терешкову со знатным чаеводом Клавдией Нацваладзе из колхоза села Аскана, Махарадзевского района, Грузинской ССР. Как только радио передало весть о том, что космический полет совершает первая в мире женщина-космонавт, звено чаеводов, возглавляемое Клавдией Нацваладзе, решило включить ее в свой коллектив. С тех пор звено ежегодно собирает в счет Чайки четыре-пять тонн сортового чайного листа.

Между Валентиной Терешковой и грузинскими чаеводами завязалась переписка. Друзья из Грузии приглашали Чайку приехать к ним. Первая встреча с Валентиной Николаевой-Терешковой произошла, однако, не в селе Аскана, а в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, на XXIII съезде КПСС. Здесь в перерыве между заседаниями Клавдия Нацваладзе и познакомилась с Чайкой.

Клавдия от имени звена подарила Валентине поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Николая Заболоцкого.

Недавно редакция грузинской республиканской сельской газеты «Соплис цховреба» обратилась к Валентине Николаевой-Терешковой с просьбой высказать свое отношение к поэме Шота Руставели.

В. Николаева-Терешкова ответила нашей редакции:

«Среди моих любимых книг почетное место занимает гениальное творение мировой поэзии «Витязь в тигровой шкуре». Как глубоко сегодня откликаются в наших сердцах благородные идеалы бессмертной поэмы Шота Руставели — идеалы героизма, любви к отечеству, дружбы народов, гуманизма; как глубоко волнуют дорогие сердцу каждого из нас неувядаемые образы Тинатин и Нестан».

М. ДАВИТАШВИЛИ, редактор газеты «Соплис цховреба»

Звеньевая Клавдия Нацваладзе преподносит Валентине Николаевой-Терешковой поэму Шота Руставели.

Фото Гиви Вахтангадзе.

Моя встреча

Моя встреча с Руставели началась семь лет назад в театре. Директор рапсодического театра в Кракове Метислав Котлярчик ставил на сцене своего театра эпосы мировой литературы, конечно, в сценической переработке. Им были осуществлены постановки «Пана Тадеуша» Мицкевича, «Евгения Онегина» Пушкина, «Одиссеи» Гомера, «Дон-Жуана» Байрона, финского эпоса «Калевала». Котлярчик решил включить в свой репертуар и поэму «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Мне было предложено осуществить перевод этого великого произведения. При этом не было и речи о переводе целой поэмы. Котлярчик хотел получить от меня логически связанные фрагменты, ибо весь эпос надо было бы играть около десяти часов. Я начал читать поэму, и она так меня очаровала, что мне захотелось перевести ее в целом.

Во время моей поездки в Грузию я побывал в окрестностях Тбилиси и Мцхеты, слышал живые интонации грузинского языка и с помощью грузинских поэтов и литературоведов познакомился с принципами версификации и рифмики оригинала «Витязя в тигровой шкуре». На основе советов грузинских поэтов я постарался так же построить строфы, как и в оригинале, то есть шестнадцатисложным стихом «шаири». Мне были известны русские переводы, сделанные П. Петренко, Ш. Нуцубидзе и Н. Заболоцким. Ознакомился я также с немецким переводом Гупперта. Все они сохраняют специфическую рифму Руставели, однако не соблюдают различий, которые применял сам поэт между двумя метрическими видами — высоким и низким «шаири». В своем переводе я сохраняю эту разницу, применяя поэтические эквиваленты из польской рифмики. В какой степени мне удалось это, могут судить теперь читатели.

В этом месяце литературное издательство в Кракове выпустило мой неполный перевод «Витязя в тигровой шкуре». Содержание книги несколько больше текста в театре, поскольку в нее вошли те фрагменты, которые не были включены в драматический вариант.

Я не первый, кто заинтересовался у нас поэмой Руставели. В свое время Юлиан Тувим сделал перевод вступления к «Витязю».

Ежи ЗАГУРСКИ

Варшава.

РУСТАВЕЛИЕВСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

вершина получила название пика Руставели.

* * *

Недалеко от Ростова, на станции Каялы, жил мальчик Саша Бондаренко. Когда на станцию ворвались гитлеровцы, ему удалось спасти от пожара библиотеку, в которой среди множества книг была поэма Шота Руставели. Саша отважно боролся вместе с другими подпольщиками против оккупантов, а ночью на чердаке читал спасенные им книги. У Руставели он подчеркнул строку: «Жизнь позорная нужна ли? Смерть со славой предпочти!..» Сашу убили в фашистском застенке. Одна из улиц Каялы носит его имя.

* * *

В Грузинской республике учреждена премия имени Шота Руставели, присуждаемая за лучшие произведения литературы и искусства. Первые лауреаты этой премии — поэт Ираклий Абашидзе, писатель Константин Гамсахурдиа, художник Ладо Гудиашвили и скульптор Элгуджа Амашукели.

* * *

Поэма Руставели переведена почти на все языки народов Советского Союза. Украинский перевод сделан поэтом Миколой Бажаном, армянский — профессором Геворгом Асатуром, азербайджанский — поэтами Самедом Вургуном и Сулейманом Рустамом.

* * *

В Тбилиси в семье работника пожарной охраны Вахтанга Асланишвили собрано 90 различных изданий «Витязя в тигровой шкуре»: от первого до самых последних.

* * *

Преподаватель тбилисской 47-й средней школы Борис Канделаки более 20 лет коллекционирует фотокопии портретов Шота Руставели. В его фондах фотокопии произведений художников-самоучек, изданий, являющихся библиографической редкостью, портретов, выполненных Нико Пиросманишвили, портрета Шота, созданного в 1640 году итальянцем Христофором Кастелли...

* * *

Многие жители Грузии знают поэму «Витязь в тигровой шкуре» наизусть полностью. Трое из них — Ш. Чаладзе из Сухуми, П. Чхаидзе из села Шрома, Махарадзевского района, и С. Беридзе из Ахалцихского района — получили дипломы первой степени за чтение отрывков на конкурсе художественной самодеятельности.

* * *

Тбилисский фотожурналист Рубен Акопов имеет в своем архиве 70 тысяч различных фотоснимков. Из них 1 150 рассказывают о Руставели, его эпохе, памятниках культуры, его переводчиках.

Чтобы накормить девятнадцать здоровых мужиков, прежде всего нужна картошка, много картошки. Особенно, если и хлеба маловато и приварок никудышный.

Согласившись кашеварить, Вера на первых порах до глубокой ночи засиживалась у костра-дымокура. Ведь это сколько же нужно времени, чтобы в одиночку начистить два ведра мелкой, дряблой, проросшей картошки! Да еще с каждой картофелины срезать верхушку с ростками на посадку!

Как-то в такой вот одинокий весенний вечер к костру подошел Матвей. Присел на чурбан, вынул из кармана нож-складень, подарок Ивана Назаровича, и, потянувшись к ящику с картошкой, хмуро прошепелявил:

— Чего же ты Вихореву не скажешь, чтоб наряжал в помощь тебе ребят по очереди? И воду сама носишь и с дровами возишься...

Говорить с Вихоревым Вера так и не собралась. Очень уж трудно мужикам приходилось, особенно поначалу, когда и строиться надо было спешно, и план выгонять, и целину таежную вскапывать под картошку.

Просто язык не поворачивался требовать от них помощи. А работы у нее все прибывало, и уже не стало хватать дня. Приходилось подниматься с зарей, чтобы к ночи управиться со всеми делами.

Конечно, в артель она рядилась только поварихой, но не сидеть же в стороне сложа руки, если на твоих глазах чистенький новый барак превращается в свинушник.

Это ведь сказать только просто: «А мне-то какое до них дело?» Видеть, как усталые, грязные мужики спят вповалку на затоптанном полу пустого барака, как идут они в субботу в баню без узелков с чистым бельем под мышкой,— ну, какая же хозяйка на такое безобразие согласится? А семейка у этой хозяйки получилась добрая — с Матвеем Егоровичем девятнадцать душ.

Два раза в неделю выскоблить с песком в бараке пол, да чтобы к бане у каждого была сменка чистого белья — нешуточное это дело. А сколько нужно было терпения, пока эти неряхи не привыкли оставлять на крыльце грязные сапоги, не бросать одежду где попало.

Вера не ворчала, не ругалась. Поднимет с пола окурок и молча несет его к консервной банке. А банок этих вместо пепельниц наставила она под нос мужикам по всему бараку.

Или наклонится, возьмет сброшенную у порога одежину, встряхнет и повесит аккуратно на гвоздик у двери. Скажет негромко:

— Ой, Степан Андреевич, ну вот же он, гвоздик-то, под рукой у вас.

Сказал бы кто Вере год назад, что она себя приговорит к такому вот полудикому существованию, не поверила бы она никогда.

Самой лишить себя всех радостей жизни, отказаться от такого чуда, как радио и кино, жить без библиотеки...! Не читать... Только работа... И какая работа! Самая распроклятая, какую Вера всегда презирала, бесконечная, постылая, бабья работа.

И заботы... Хорошо ему старому было наказывать: «Глаз с него не спускай... сле-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—37.

Мария ХАЛФИНА

Простая повес

Рисунки Игоря БЛИОХА.

ди... приглядывай, чтоб побольше на людях был, а с кем не надо, чтоб не связывался». Прямо смешной, ей-богу, словно ему три-четыре годика... Разве узнаешь, что у него на уме? Не подойдешь ведь, не спросишь: ну, как, мол, вы, Матвей Егорович, чувствуете себя... в смысле алкоголизма?

Иногда посмотришь: ничем он от других не отличается и разговаривает с мужиками, иной раз и улыбается, а иногда взглянешь невзначай, а у него глаза такие, словно живет он на свете, стиснув зубы.

Как-то Вера завернула за баню, щепы сухой набрать на растопку, а он сидит на берегу, над самым обрывом, уставился глазами куда-то в одну точку, не мигая, а сам губами шевелит. Видно, уже и разговаривать сам с собой начинает по-стариковски...

И какие у него могут быть разговоры с Аркашкой Баженовым? И чего этот змей около него стал крутиться? В прошлое воскресенье на охоту увязался... Чего ему от Матвея Егоровича нужно?

А тут еще от Ивана Назаровича письма нет и нет. Написал, что схоронил свою сестру старенькую, и замолк. Получил ли посылку? Живой ли? Лежит, поди, один в своей старой хатенке, и некому за ним походить, и некому на него поворчать...

И с Олежкой опять что-то неладное творится. Совсем вроде парнишка наладился, повеселел, а вчера вдруг, словно с цепи сорвался, из-за какой-то ерундовой шутки бросился на Андрюху-Лебедку с кулаками...

Работа да заботы — невеселая вроде бы жизнь, а дни катятся один за другим, успевай оглядывайся.

С работой, правда, становилось легче, помаленьку отпадала надобность просить у мужиков помощи. Сами стали проявлять заботу: Андрюха-Лебедка или братья Олейниковы выберут вечер посвободнее и наворочают целую поленницу сухих смолистых дров и для кухни и для бани. Один натаскает кадушку ключевой воды на питье и еду, другой наполнит банные бачки...

Дед Лазарев и вдовец Останкин «прикомандировались к котлу», чистили картошку и прочую овощ, потрошили рыбу в засол — к середине лета Матвеев улов артель уже не проедала, и Вера приспособилась рыбу солить и вялить.

Дед Лазарев и длинный Останкин вообще стали безотказными помощниками и соратниками Веры во всех ее хозяйственных начинаниях. Это они еще весной выкопали довольно вместительную погребушку и набили ее льдом. С их помощью Вера натаскала из тайги и засолила две большие кадушки сочной, духовитой колбы-черемши. Для сушки ягод дед Лазарев смастерил потешные, но на редкость удобные берестяные лотки. Черники и малины рядом в лесу было — хоть лопатой греби.

На водку дед Лазарев и Останкин были не жадные, тем более что оба они с похмелья очень страдали. Под этим предлогом они от компанейских попоек помаленьку стали отбиваться, а за длинный летний воскресный день мало ли можно по домашности разных дел переделать?

Без большого труда Вере удалось убедить их, что в бараке, как в любом рабочем общежитии, должны быть для жильцов кровати или в крайнем случае деревянные топчаны. Это же только подумать, срамотища какая: этакие мастера, плотники-столяры — золотые руки, и валяются хуже собак вповалку на грязном полу.

Пока дед Лазарев с Останкиным мастерили топчаны, Вера вытрясала из замызганных матрацев свалявшиеся комковатые потроха, мешки перестирала, а вечером пьяненькие мужики, погогатывая и негромко ругаясь, набили их сухой, душистой, мягкой осокой и развалились на новеньких удобных топчанах.

В бараке не в пример стало культурнее. Теперь уже никто не полезет в грязных сапогах на чисто выскобленный пол, и вообще мужики начали себя вести куда аккуратнее, чем на первых порах.

С легкой руки бригадира Вихорева уже многие всерьез стали величать Веру по имени-отчеству, и, что самое дорогое, все меньше становилось в их разговорах привычного мужского похабства.

Как-то Аркадий обнаружил неподалеку от зимовья веселый, открытый всем ветрам мысок на берегу. С общего согласия облюбовали его для воскресных гулянок и нарекли соответственно «Аркашкин точок».

И правильно придумали. На ветерке гнуса таежного меньше, а главное, не маячит где-то поблизости хмурое, надутое лицо Веры.

Больше двух месяцев не было дождей. Где-то, совсем неподалеку, в заречье горела тайга. В знойном дымном мареве низко над истомленной землей висело солнце, маленькое, зловеще-багровое. От дымной жаркой духоты, от запаха гари томила тревога, по ночам плохо спалось...

В то памятное, знойное воскресное утро мужики еще за завтраком изрядно выпили и сразу из-за стола, захватив, что положено, не спеша, один за другим вперевалку, словно сытые гуси, потянулись в лес.

Последним вяло, с грехом пополам, выжимая из старенького баяна изувеченную до неузнаваемости «Катюшу», брел полусонный Андрюха-Лебедка.

Только Аркадий опять что-то присоседился к Матвею. Сидел с ним на ступеньках барачного крыльца, рассказывал что-то, видимо, очень уж занятное. Хохотал. Заглядывал Матвею в лицо. Вот откинувшись к перилам, вытянул правую ногу, достал из кармана кисет, положил его Матвею на колено.

Матвей не закурил, он даже и кисета в руки не взял, но как-то очень уж компанейски тронул Аркашку за плечо, покивал головой согласно.

Похоже, договорились они о чем-то. Потом Аркадий ушел. Вера, прищурившись, проводила его взглядом... «Чтоб тебе там обожраться проклятой водкой!»

Матвей сидел на крылечке один. Не то засмотрелся вслед уходящему Аркашке, не то спал с открытыми глазами...

Вера прополоскала в ведре большую деревянную поварешку и, обернувшись к Матвею, собралась окликнуть его, спросить, куда это Олежка в одиночку рыбачить ушел. Не попал бы змею Аркашке на глаза. Но она не успела. Рывком поднявшись с крыльца, Матвей уходил в лес.

Вера оглянулась потерянно и как была — в правой руке поварешка, за поясом тряпка-прихватка — метнулась за барак.

Если напрямик через ложок, через бурелом, через чащобу, можно успеть выскочить к Матвеевой тропе, как раз там, где вправо уходит сверток на «Аркашкин точок».

И она успела. Слизывая с пересохших губ соленый пот, затаилась за стволом огромной сосны. Матвей прошел совсем рядом и, даже не замедлив твердого, размеренного шага, свернул со своей тропы вправо.

Тогда Вера выскочила на тропу и закричала. А что еще она могла сделать в эту минуту? Матвей стремительно обернулся. Вера стояла на тропе, прижав к груди поварешку, смотрела на Матвея дикими глазами — красная, растрепанная, словно только-только из медвежьих лап вырвалась.

— Что ты?! Кто тебя?! — закричал испуганно Матвей, перемахнув через колдобину.— Да говори же, кто тебя?

— Да-а-а...— прошипела Вера, отвернувшись, она никак не могла проглотить застрявший в пересохшем горле шершавый комок.— А вы зачем туда потащились? Чего вам там нужно?

— Где?! — изумился Матвей.— Тальник у меня здесь вот, в ложке, нарезан на корчажки.— Но тут глаза у него округлились, губы повело недоверчивой улыбкой.— Подожди... так ты это за мной гналась? А чего ты орала-то?

Главное сейчас было не заплакать. Очень болели обожженные крапивой руки, кололо в боку, от злости и стыда огнем горело потное лицо.

Вера опустилась на сухую валежину, загородившись от Матвея худым плечом.

— Вам, конечно, смешно... чего ж не посмеяться над такой идиоткой... Не взял бы Иван Назарович с меня слова, чтобы я за вами приглядывала... стала бы я по лесу гоняться, караулить вас, как маленького... очень мне нужно... так бы я и побежала...

Согнув свои длинные ноги, Матвей присел перед ней на корточки, пытаясь заглянуть в ее лицо:

— Ну, чего ты, Вер? Ну, ты извини меня, я ведь не знал, что тебе за мной надо приглядывать. Видишь, вот как получается: я про это уже и думать забыл, а ты, выходит, беспокоишься, переживаешь, чтобы я опять с праведного пути не сбился. Я уже зубы вставлять думал, помнишь, дядя Иван срок мне назначил? Двадцать седьмое мая, а сейчас уже август начинается...

— Да-а-а...— недоверчиво протянула Вера, искоса, из-за плеча заглянув в его очень синие и незнакомо-ласковые глаза.— А чего ж тогда этот... змей все утро вокруг вас вился, смущал вас?

Матвей приоткрыл рот, икнул и закатился вдруг таким смехом, что Вера в первое мгновение даже испугалась. Сгибаясь вдвое, он то ложился грудью на согнутые колени, то откидывался назад.

— Нет, ты только послушай! — стонал он, отжимая пальцем слезы.— Змей меня смущает!! Как Еву в раю!!

Вера опять было обиделась, но глядя, как, запрокинув голову, он колотит себя ладонями по коленам, не удержалась и хихикнула.

— Ты не обижайся. Вишь, как меня прорвало...— извинился Матвей, отсмеявшись, и неожиданно предложил:— Давай устроим сегодня тебе полный выходной день. Ты ведь не знаешь, какое мне дядя Иван в лесу наследство оставил. Ты такого сроду не видала ей-богу. Обед у тебя сварен, авось, наши гуляки один-то день без тебя обойдутся...

— Что вы, Матвей Егорович! — удивилась Вера.— Как же я уйду, не сказавшись? Причудится им с пьяных глаз, что меня в малиннике медведь задрал или еще что... Да и поварешка вот... Искать еще кинутся.

— Кого? Поварешку?

Теперь прорвало Веру. Это же представить себе только такую картину: шестнадцать пьяных мужиков ползают в лесу... по просеке... головами о пни стукаются... поварешку ищут!!!

— А что вы думаете? Это и трезвому не сразу такую загадку разгадать: среди белого дня пропала стряпуха вместе с поварешкой...

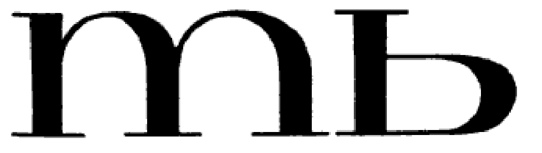
— Ничего! — серьезно успокоил ее Матвей.— Мы им сейчас телеграмму отобьем!

Минутное дело срезать три тонких осинки; гибким березовым прутиком связать их за вершины и поставить треногой поперек тропы.

— Стоп! Внимание! Семафор закрыт! — строго командует Матвей, вынимая из кармана затрепанный блокнот и огрызок химического карандаша.

Телеграмма, надетая на ручку поварешки, повисла на «семафоре». Она гласила: «Я сегодня выходная. Каша в духовке. Ешьте сами. Вера».

— Подъем! — Матвей протянул руку и помог Вере подняться.

Он вел Веру нехоженой тайгой, но минут через двадцать вывел, куда было нужно.

На пологом склоне косогора полускрытый зарослями жимолости в неглубокой мшистой колдобинке бил родник. Родничок дышал. Вода на дне ямки то вздымалась, вскипая живыми бугорками, то опадала. А пониже была расчищена неглубокая круглая чаша. Вода струилась в нее по небольшому деревянному желобу.

Матвей снял с колышка берестяной ковш-черпачок, поставил его под струю и, как положено доброму хозяину, поднес его гостье.

Потом, скинув пропотелую гимнастерку, ушел в кусты; там у него, по течению родничка, еще одна копанушка была вырыта.

— Смотри не застудись...— предупредил он Веру из-за кустов.— С поту в этой живой воде купаться надо с оглядкой...

Колючие, ледяные струйки обжигали разгоряченное тело. Не то от холода, не то от радости перехватывало дыхание. Большую надо было иметь выдержку, чтобы не визжать и не охать дурным голосом... И не было сил оторваться... Только услышав, как покашливает, пробираясь через кусты, Матвей, Вера торопливо натянула кофтенку.

Матвей поднимался по косогору, отжимая на ходу мокрую стариковскую бороду. Борода стариковская, а на ходу легкий и глаза синие-синие... такие синие и ясные на загорелом лице.

Господи! Неужели все это правда? А она, дура, психовала, сомневалась, выходит, в Иван-назарычевых указаниях...

Матвей прилег в траву на косогор, закинув руки за голову, стал не спеша рассказывать:

— Привел меня сюда дядя Иван еще зимой. «Вот,— говорит,— как дурь накатит, приходи сюда. Умойся, попей, сядь и гляди, как вода дышит». Он ведь, родник-то, и зимой не замерзает. Красотища такая — я тебе словами не сумею рассказать. Желоб и ямку — это все я потом сделал, в память дяди Ивана, когда его в больницу увезли... А зимой вода просто шла вниз по косогору, и образовалась наледь такая, вроде веера. Струя по льду растекается, застывает. Чем наледь выше, тем струе ходу меньше, вот она и идет вширь. И получается изо льда узор... Вроде кружево ледяное струя плетет. Один-два слоя прозрачные, как хрусталь, а потом вдруг матовый, то ли от мороза, а может, наоборот — от потепления такое происходит. И кусты и деревья вокруг в куржаке, в инее стоят, лохматые, белые...

Родничок завораживал... Сидеть бы вот так, охватив колени руками, и, мерно покачиваясь, смотреть и смотреть, как дышит дно родничка живыми бугорками, слушать неумолчный лепет падающей с желоба ледяной струйки...

— Была бы сейчас мама ваша жива...— медленно, словно в полусне, сказала Вера, не отводя глаз от родника,— съездила бы я за ней... Избушку всю умазала бы, побелила бы на два раза... Цветов бы везде понасаживала... Я бы в сарай перешла, а вы с ней вдвоем стали бы жить. Промяли бы вы сюда тропу хорошую, чтобы ей нетрудно было ходить. Умылась бы она, попила бы... Лежала бы на воле, на чистом воздухе... И начала бы она поправляться...

Вера не замечала, как, приподнявшись на локоть, пристально всматривается в ее лицо Матвей.

Не заметила она и перемены за какие-то полчаса, происшедшие в лесу.

— Вер!— негромко окликнул ее Матвей.— Гляди-ка, туча какая поднимается, гроза идет и с хорошим, однако, дождем...

Туча тяжело поднималась над лесом, грузная, темная, угрожающе-безмолвная. Медленно, но неотвратимо настигала она солнце... И все живое замерло, затаилось в ожидании... В тревожной предгрозовой тишине смолкли голоса птиц... Даже шмели попрятались, перестали гудеть над лиловыми шапками отцветающего кипрея.

— А ну, давай по-быстрому!— скомандовал Матвей, торопливо натягивая гимнастерку.— Нам надо успеть до дома добраться...

— До дома?!— огорченно протянула Вера.

— Мой дом особый!— засмеялся Матвей.— Айда скорее, тут недалеко, рукой подать...

От родничка до Матвеева дома тропка вилась хоть и не торная, но довольно приметная...

— Основная моя штаб-квартира на реке, а дом этот мне дядя Иван тоже еще зимой показал,— оглядываясь на ходу на Веру, рассказывал Матвей, торопливо шагая по узкой тропке.

В тайге резко темнело, словно солнечное затмение начиналось. Туча все же догнала солнце и накрыла его плотной иссиня-черной полой. Торжествуя победу, швырнула в оробевшую землю великолепную слепящую молнию и победоносно загрохотала.

Вера карабкалась за Матвеем на невысокий, но крутой пригорок. Взбежав наверх, Матвей пробежал еще несколько шагов, оглянулся, махнул рукой: пришли! И вдруг, опустившись на четвереньки, уполз куда-то в нутро огромной красавицы сосны. Все окружающие деревья рядом с этой громадиной казались подлеском.

Вере не нужно было вставать на четвереньки. Она только пригнулась пониже и вошла в душистую прохладу огромного сухого дупла.

Двоим в Матвеевой даче все же было тесновато. Вера, на правах гостьи, растянулась на мягкой, из еловых лап постели. Матвей, отдуваясь, сидел, прислонившись к стенке дупла. Длинные ноги, чтобы не мешали, выставил наружу.

Туча словно того только и ждала, чтобы люди успели укрыться в надежном сухом гнезде. На вершины мачтовых сосен налетел ветер, попробовал их раскачать и отступился, пошептался в молодом осиннике, скользнул вниз, прошелестел в зарослях малины и, окончательно обессилев, приник к мшистому подножию старой сосны... Туча разрешающе громыхнула, и на оцепеневшую в ожидании землю обрушился наконец веселый, яростный ливень.

И лес вдруг ожил: каждый листок на дереве, каждая травинка на земле благодарным шепотом переговаривалась с летучими струйками дождя. Только, как ни старался, не смог ливень пробиться сквозь могучую крону богатырской сосны. Подножие ее там, где торчали из дупла Матвеевы сапоги, оставалось сухим.

Ливень скоро отбуйствовал; ушел отвесной, плотной стеной дальше в тайгу, а на смену ему из посветлевшего края тучи опустился дождик тихий, ровный, тот самый, который называют грибным.

Сама туча, все еще черная, полная нерастраченных молний и еще не излившихся дождей, громыхая, свалилась в сторону заречья, туда, где горела тайга.

Сложившись вдвое, как нож-складень, Матвей выглянул наружу.

— Смотри-ка, туча-то свое дело знает...— похвалил он.— Пожар заливать отправилась...— И глубоко, шумно вздохнул.— Воздух-то какой, не надышишься!

Осторожно разогнувшись, он втянул ноги в дупло и, охватив колени руками, сказал вдруг, без всякого перехода:

— Ты вот говоришь: водка, водка! А мне, если хочешь знать, от табаку куда труднее было отвыкать. Не пообещал бы дяде Ивану воздерживаться, ни за что бы не вытерпел... И перед тобой совестно было. Думаю: закурю я, и она тогда тоже снова запалит...

Вера вздохнула и, покосившись на Матвея, смешливо прищурилась:

— А что, Матвей Егорович, хорошо бы сейчас, хоть по махонькой бы... по одной... завернуть?

— Да-а-а...— неопределенно хмыкнул Матвей.— Кое-кому, конечно, не плохо бы, только не тебе.

— Прямо-то!! Почему это не мне?

— Потому, что очень уж погано видеть, когда хорошая девчонка цигарку сосет...

— Так то девчонка! А я — лесоруб... полумужичье... Мне можно.

— Дурак ты набитый, а не лесоруб, вот что я тебе скажу...— нахмурившись, оборвал Матвей, но тут же, словно пересилив себя, спросил шутливо:— Какие ваши соображения будут, гражданочка, насчет ушицы горяченькой похлебать?

— А потом еще чашку с малинкой пошвыркать...— подхватила Вера, радуясь, что уже разгладилась на его лбу сердитая морщинка.

Очень не хотелось расставаться с уютным логовом. Если бы не голод, лежать бы так до утра.

Туча еще ворчала где-то за таежными увалами, а солнце уже выглядывало осторожно из-за поредевшего ее крыла празднично ясное, умытое, доброе.

На Матвееву заводь Вера раза три прибегала за рыбой. Но она и не представляла, насколько домовито все было налажено в Матвеевом хозяйстве.

Внутри просторного барака чисто, сухо, прохладно. В изголовье постели недоплетенная корчажка и связка прутьев. На перекладине развешано всякое рыбачье снаряжение. Против входа в барак кострище, колья-рогульки с перекладиной для котелка и чайника.

На крутом спуске к реке прорублены удобные ступени. На воде — небольшой сплоток, такое удобство: помыться, воды зачерпнуть или просто на зорьке с удочкой посидеть.

Уха получилась самая настоящая, «Демьянова». Тяжело отдуваясь, Вера уже отвалилась от чашки —надо же было и для чая сколько-то местечка оставить,— а Матвей все подкладывал ей в чашку самые лакомые кусочки, потчевал:

— Ты только погляди, какая вкуснятина, самый же смак...

— Матвей Егорович, миленький!— стонала Вера.— Я ж и так, как тот антипкин щенок, наглоталась, дышать нечем...

Потом они пили чай со сладкой, зрелой-перезрелой малиной. Уже смеркалось. А у костра совсем по-ночному было темно и уютно.

— Слушай, Вера, давно я тебя хочу спросить...—после затянувшегося доброго молчания негромко сказал Матвей.—Объясни ты мне, зачем ты меня тогда подобрала?

— Здравствуйте вам!— вскинув редень-

ПРОЗРАЧНАЯ ЗАЩИТА

А. ДЕНИСОВ

кие белесые брови, засмеялась Вера.— Чего это вам вздумалось про такое? Подобрала! А что мне тогда оставалось делать? Вы же совершенно не в себе были. Разве вы не помните? Вы же могли тогда над собой такое натворить...

— Ну, хорошо... Пусть так...— неуверенно протянул Матвей, потом, покусав губы, спросил, пристально глядя в безмятежно-спокойное лицо Веры:— А ты знала тогда, кто я? Знала, что я... этот... ну, пропойца, конченый, как говорится, отпетый?

— Ой, Матвей Егорович! Какой вы, ейбогу, странный человек,— рассердилась Вера.— Ну, до того ли мне тогда было? И слова какие-то придумали: конченый, отпетый. Вам же Иван Назарович ясно разъяснил, что алкоголики совсем не такие бывают...

— Это точно. Старый колдун правильно тогда определил. Слабость, конечно, малодушество было с моей стороны. Только все это ведь потом определилось. Ты вот сама до сегодняшнего дня сомневалась, переживала из-за меня. А тогда, чего же теперь отрицать-то, тогда я для всех действительно отпетый был, конченый... И ты это знала... И не испугалась, не побрезговала... подобрала.

— Матвей Егорович,— засмотревшись в огонь, тихо спросила Вера.— А вы... разве не подобрали бы?

— Не знаю...— качнул головой Матвей.— Возможно, и подобрал бы... Свел бы в теплушку к батьке Афанасию... деньжонок сунул бы... Но чтобы домой к себе такого вести... Подожди, не фыркай! Ладно, я понимаю: там, в Затоне, некуда было тебе меня девать. Ну, а когда в город мы приплыли, ты ведь могла первому же постовому меня сунуть или на пристани оставить: вот, мол, человек не в себе, примите меры. И все. Постой, помолчи. Мне дядя Иван говорил, что тебе и здесь, на Центральном, хорошие условия предлагали, а ты на Дальний забилась. Почему?

— А что бы я с вами стала на Центральном делать? Я же вам объясняю: были вы тогда не в себе, и надо было вас подальше прибрать, пока вы в себя не придете. А про условия что говорить? Разве мне тогда до того было?

— Я знаю. У тебя своя большая была беда...

— Выболтал все-таки, старый болтун!— ахнула Вера и отвернулась, залившись тяжелым сердитым румянцем.— Беда... беда... То не беда, а дурь была дураковская!— Она, украдкой, через плечо взглянув в хмурое лицо Матвея, смущенно рассмеялась.— Есть, Матвей Егорович, поговорка такая старая: «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!» Так-то вот и я! Романов начиталась, в кино картин разных про любовь насмотрелась... Все люди влюбляются, переживают, вот и я туда же...

— Так он... что же? Обманул тебя?—отвернувшись, спросил Матвей.

— Обманул?! Да что вы? Откуда вы взяли? Он и не знал ничего. Я на него и смотреть-то боялась, чтобы он не догадался да не рассердился...

— За что же он мог рассердиться?

— Ну, как за что? Люди же над ним посмеяться могли. Подумайте сами: какому мужчине понравится, если за ним этакая страхолюда бегать начнет...

Разговор этот продолжать не хотелось. Вера поднялась, потянулась, хрустко и вкусно зевнула:

— Пошли, Матвей Егорович, вставать мне завтра рано, стирка у меня большая...

Хорошие это были дни. Никогда раньше не знала Вера состояния такого полного душевного покоя, такой простоты и лада с окружающим миром.

Словно у того родничка свалила она с плеч тяжелый неловкий груз и вот ходит теперь по земле легко, споро, бездумно.

Работы по-прежнему было много, но теперь она научилась выкраивать для себя свободный часок-другой — побывать на милом родничке или просто повечеровать на нижней заводи, у Матвеева костра.

А Матвей тоже заметно повеселел, чаще засиживался по вечерам с мужиками. Меньше, видимо, стал стесняться своей шепелявости и уже не всегда прикрывал губы пальцами, когда говорил или смеялся.

В один из вечеров он вынес из барака Андрюхин баян, сел на ступеньке крыльца и, склонившись над баяном, стал осторожно перебирать лады. Перебирал, пока баян не запел нежно и чисто «Одинокую гармонь».

С тех пор мужики каждый вечер, когда Матвей не уходил на реку, уважительно просили его поиграть. Веселых песен Матвей не играл, но мужики и не гнались за весельем. Устали все за тяжелое знойное лето, истосковались по семьям, по ребятишкам. Слушая знакомые, за душу берущие песни, хмурились, вздыхали растроганно.

Как-то моторист с катера сказал Вере мимоходом, что на Центральном в мастерские нужен механик и что был в кадрах разговор про Матвея Егоровича. Интересовались, как у него со здоровьем, как он работает... выпивает или нет?

Вера обрадовалась, бросила все дела, побежала на делянку к Матвею. Катер к тому времени приходил на Дальний два раза в неделю: в среду и в воскресенье. И нечего было Матвею Егоровичу терять целых три дня, если вполне можно успеть уехать с сегодняшним катером.

Матвей, выключив ручную мотопилу, слушал взволнованную Верину скороговорку с какой-то вроде усмешкой в глазах и, не дослушав, перебил на полуслове:

— А ты?

— Что — я?— не поняла Вера.

— Для тебя-то есть на Центральном подходящая работа?

— Да не обо мне разговор! Что это вы, ей-богу! Нашли время шутить!— возмутилась Вера.— Вы свободный человек, а у меня договор!

— Ну, и у меня договор...— спокойно и уже без улыбки ответил Матвей.— С дядей Иваном у меня договор... Он с меня тоже слово взял, что я тебя одну здесь не оставлю...

— Матвей Егорович!—взмолилась Вера.— Ну, что вы еще выдумываете?! Что я маленькая или слабенькая какая, что не смогу за себя постоять? И кому я нужна?! Кто на меня позарится?! Иван Назарович от старости из ума выжил, а вы его слушаете. Здоровье у вас теперь хорошее. Ну, разве мыслимо сидеть вам здесь? Ради чего? А я тоже потом на Центральный попрошусь, меня переведут, я знаю. А сейчас| разве я могу сорваться, бросить их? Вот приедут бабы, тогда другое дело... я тогда сама с радостью...

— Ну вот и я тогда с радостью...— Матвей повернулся к Вере спиной и запустил пилу.

Пила затряслась, взвыла, брызнула сырыми опилками... На том разговор и закончился.

Окончание следует.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

...Однажды швейцарский химик Жак Брандербергер решил защитить свою скатерть от грязи. Он покрыл материю раствором целлюлозы. Высохнув, целлюлоза превратилась в тонкое, прозрачное, легко отделившееся от скатерти нечто, которое впоследствии Брандербергер окрестил целлофаном («целло» от слова «целлюлоза», а «фан» — окончание французского слова «лафан», что значит «прозрачный»).

Таково было начало карьеры синтетической пленки. Теперь пленок много. Они не похожи друг на друга по составу и свойствам. Одни пропускают воздух, другие, наоборот, герметичны, третьи задерживают влагу. Поэтому и продукты питания в синтетической одежде чувствуют себя по-разному и тоже имеют свои симпатии и антипатии.

Колбаса и сосиски, например, полюбили целлофан. Причем прозрачная одежда оказалась в 15 раз дешевле, чем старая оболочка, и позволила автоматизировать производство колбасы.

Сегодня искусственные пленки применяются даже там, где в них, казалось бы, нет видимой необходимости. Например, к покупателям один из сортов сосисок попадает без искусственной оболочки. На заводе же мясной фарш шагает по ступенькам технологии, одетый в синтетическую рубашку. И раздевается только в конце процесса, когда под действием коллоидно-химических реакций на поверхности сосиски появляется своя собственная спекшаяся прочная корочка.

Наши прадеды были неплохими кулинарами. Во всяком случае, сегодня мы едим многие блюда, изготовленные по старым рецептам. Однако некоторые кушанья слишком сложны для массового производства, они остались за бортом XX века. Например, такой деликатес, как запеченное в глине или тесте мясо.

Ученые Всесоюзного научно-исследовательского института мясной промышленности доказали, что глину и тесто с успехом может заменить специальный целлофан. Запеченная в пленке ветчина, удивительно нежная, с приятным дымковым запахом, не теряет своих питательных свойств.

Синтетическая пленка становится естественной кожей продуктов. В ней выпекают хлеб, в ней консервируют — замораживают или пастеризуют, в ней стерилизуют с помощью ионизирующего излучения. Оно расправляется с микробами, и сырое мясо превращается в консервы.

Сейчас ведутся эксперименты, которые в будущем дадут удивительные результаты: продукты станут упаковывать в пленку простым и эффектным способом — мгновенное погружение в раствор полимера, и готова герметическая прочная оболочка! В ней можно не только сохранить, но и приготовить пищу. При этом ваше любимое блюдо не переварится, не потеряет своего вкуса, запаха и даже витаминов.

ПОЛИМЕРНАЯ КАСТРЮЛЯ

Полимерная упаковка лишь одна из ярких граней синтетики. Пищевая промышленность, которая, как утверждают историки науки, когда-то в незапамятные времена собственно и породила химию, в наши дни пожинает обильные плоды своего посева. Синтетика не скупится на подарки.

Собственно говоря, речь пойдет о ситах для фильтрования молочных продуктов. Раньше их делали из марли, бязи, миткаля. А потом по инициативе Центрального научно-исследовательского института шелка стали делать из лавсана.

Удивляться здесь как будто нечему. Правда, метр лавсана заменяет 40 метров марли, а один слой синтетики очищает лучше, чем четыре хлопчатобумажных. Но этих эффектов ждали. Неожиданное пришло позже.

Оказалось, что тугие переплетения лавсановых нитей практически не впитывают частички белков. На них не оседает та десятая процента жира, что прочно прилипала к хлопчатобумажным ситам и безвозвратно терялась при очистке. Одна десятая... Капля? Однако эта капля сберегает тонны сливочного масла на одном только молочном комбинате. И тысячи тонн в масштабе нашей страны.

По вполне понятным причинам из множества синтезируемых химических веществ лишь единицы обретают постоянное место жительства у пищевиков. Но каждое соединение, прошедшее через фильтр безвредности, обладает всякий раз особым и полезным свойством.

Четверть века назад пришли в промышленность силиконы — противоестественный, с точки зрения природы, союз органики и неорганики, полимер углерода и кремния. Эти вещества отталкивают от себя воду (гидрофобны — говорят ученые). На поверхности, обработанной этими веществами, не оседает влага, а потому не прилипают частички пыли, грязи, копоти. Такая особенность безвредных для людей силиконов привлекла внимание технологов.

...Хозяйки посыпают стол мукой, чтобы тесто не прилипало. Щепотка муки — копеечная потеря. Но на хлебозаводах, где мукой припудривают миллионы форм, счет потерям идет не пригоршнями, а тоннами.

Силиконы — идеальная смазка. Не один, не пять, а двести раз можно выпекать хлеб в покрытой тонкой силиконовой пленочной форме. В масштабах страны эти чудесные вещества обещают сэкономить (обещают, потому что их, к сожалению, еще мало, и они не везде применяются) полтора процента муки. Как видите, химики не сеют, не жнут, но хлеб собирают.

Фреска на колонне грузинского Крестового монастыря, где изображен Шота Руставели.

С КИНОКАМЕРОЙ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Грузия. Монастырь Гелати.

Юбилей Шота Руставели не только всенародное торжество, но и напряженная творческая работа многих и многих людей. На меня лично лавина творческого напряжения обрушилась при встрече с грузинскими кинематографистами и работниками съемочной группы республиканского телевидения. Те и другие заняты решением одной задачи: рассказать о Шота Руставели и его времени средствами кино. Задача, казалось бы, общая, но ключ к ее разгадке пришлось искать каждому по-своему.

...Беседую с режиссером-постановщиком телевизионного фильма «По следам Руставели» Гурамом Патарая.

— Вы спрашиваете о трудностях... Главная — новизна темы. Мы отправились с кинокамерой в путь за утерянной биографией поэта. До нас нетленным дошло только главное творение Руставели — его поэма. Многие, к сожалению, очень многие свидетельства о великом поэте бесследно исчезли: на Грузию веками накатывались волны вражеских нашествий, размывая остатки былых эпох. К счастью, через все драматические и гибельные ситуации непобежденной вышла память народа: она и сохранила — не только в преданиях и легендах — драгоценные крупицы образа Руставели, приметы его биографии. Вот их мы и взялись разыскать и запечатлеть на ленте.

— Ваша группа побывала в Израиле и Иордании. Что вас заставило ступить на древнюю землю?

— Как известно, средние века — IX—XII столетия — для Грузии были эпохой небывалого расцвета. Влияние этого своеобразного грузинского Возрождения сказалось на христианской культуре, особенно во времена царицы Тамар. Здесь располагались крупнейшие грузинские культурные центры. Мы сняли развалины древнегрузинского монастыря Бир-эль-Кут, основанного в еще более давнюю пору — в IV веке нашей эры. В нем же была обнаружена письменность, самая древняя из грузинских письменностей. Некоторые данные и открытия теперь серьезно позволяют думать, что Руставели последние годы провел в Иерусалиме и похоронен в Крестовом монастыре. Среди древнегрузинских книг удалось обнаружить упоминание о Руставели, записанное на полях одной из них — «Книге поминаний».

— Есть стойкое предание, что царица Тамар, имя которой так романтически связано с именем поэта, также похоронена в Иерусалиме.

— Да, такое предание живет: Тамар будто бы завещала похоронить себя недалеко от «Гроба Господня»... Так что возможности для дальнейших поисков и особенно догадок большие. Но этот период — только часть нашего фильма; основное действие, если так можно сказать, будет происходить в Грузии. Мы не располагаем точными данными о месте рождения поэта. В переводе имя Шота Руставели означает: Шота из Рустави. Но ведь в Грузии существовало и существует несколько селений с таким названием. И что интересно, в каждом из них народ хранил свою биографию поэта. Однако само свидетельство Руставели в поэме: «Месх безвестный, Руставели, написал я этот сказ» — и другие данные склоняют нас к признанию родиной поэта древнюю Месхетию. Мы побывали в Месхетии и, конечно, снимали архитектурное сооружение грузинского средневековья — скальный монастырь в Вардзии, в котором, по преданию, бывал Руставели.

В нашем фильме мы используем разный материал: легенды, предания, исторические факты, широко показываем памятники материальной культуры. Это требует особых изобразительных средств, особого построения фильма. Например, мы отказались от единого дикторского текста, широко используем в фильме выступления писателей, художников, ученых, людей других профессий, чтобы как можно шире и разносторонней представить образ поэта и как можно эмоциональнее выразить любовь благодарных потомков к своему гениальному певцу.

Скоро на голубом экране фильм о Руставели будет держать первый экзамен. И вот что замечательно: грузинские работники телевидения отважились снять свой первый полнометражный фильм «По следам Руставели» с расчетом и на цветное телевидение!

...На тбилисской студии документальных и научных фильмов идет монтаж ленты «Руставели и его эпоха». Режиссеры-постановщики фильма народный артист республики Георгий Асатиани и Тенгиз Нозадзе.

— У нас другая цель,— рассказывает Тенгиз Нозадзе.— Мы делаем первую попытку средствами киноискусства показать мировоззрение гениального поэта, непреходящее художественное значение его поэмы. Поверьте, это трудно. Придерживаясь строгой документальности, мы, разумеется, не можем опереться на все богатство преданий и легенд о поэте. Нельзя воспользоваться игровыми сценами. А ведь порой по замыслу картины возникает острая необходимость, например, пересказать тот или иной эпизод поэмы или подать факт биографии ее творца. Вот тут и приходится упорно искать другие средства. Но главное для нас — выразить весь высокий и благородный дух Руставели и его эпохи. Ведь появление такого шедевра, как «Витязь», не могло быть случайным. Поэтический подвиг Руставели подготовлен десятилетиями и даже веками чудесного расцвета материальной и духовной культуры Грузии. До нас дошли памятники великой старины — фрески, стенная роспись, чеканка, перегородчатая эмаль и, наконец, величественные монастырские и крепостные сооружения. Поэтому нам приходилось тщательно изучать сокровища наших музеев, книгохранилищ, изъездить буквально всю Грузию. Георгий Асатиани выезжал в Турцию, где производил съемки остатков древних грузинских культурных центров. В конечном счете это была исследовательская, если хотите, научная работа по отбору наиболее характерных примет исчезнувшей эпохи. Как можно меньше сказочного и недостоверного — вот, повторяю, наш главный принцип. Даже для музыкального оформления фильма мы использовали подлинные народные мелодии XI—XIII веков.

Проделана серьезная работа с большой любовью к памяти поэта.

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

ГДЕ КАРТИНЫ?

В дни, когда в нашей стране широко отмечается юбилей великого сына Грузии Шота Руставели, я невольно подумал о классике армянской живописи Геворге Башинджагяне. Мог ли он, уроженец небольшого уездного городка Тифлисской губернии, в сотнях картин воспевший природу Грузии, не вдохновиться гениальной поэмой «Витязь в тигровой шкуре», которую он знал наизусть?

Я встретился с детьми художника. Какова же была моя радость, когда я узнал, что в их семье до 1936 года хранилась картина на тему поэмы Руставели и называлась она «Сон Тинатин». Но с тех пор семья потеряла след этого единственного полотна. Единственного ли? Хотя и принято говорить, что жизнь газет измеряется одним днем, я решил обратиться к их помощи. С первой выставки Башинджагяна прошло около семидесяти лет. Подшивки газет того времени, хранящиеся на стеллажах библиотек, и должны ответить на интересующий меня вопрос. И вот на страницах армянской газеты «Мшак», выходившей в Тифлисе, в № 76 за 1889 год, я нахожу то, что упорно искал. Рецензент газеты обозревает работы Башинджагяна и особенно подробно останавливается на картине «Нестан-Дареджан высаживают на пустынный берег». Это было первое по времени полотно, написанное художником на темы Руставели в 1889 году.

Вот описание этой картины: «Золотистые лучи заходящего солнца мягко окрашивают горизонт. Погружаясь в море, они переливаются в волнах, чаруя взор зрителя. Вдали вырисовывается снежная горная цепь, на которую падают последние лучи солнца. Высоко в небе, мало-помалу тая, медленно плывут разорванные облака... Справа, близ берега, раскинулся цветущий сад. Сквозь густую листву деревьев едва различимы высокие стены замка. На берегу стоит с грустно поникшей головой Нестан-Дареджан, похищенная дочь царя. Она в простом длинном зеленого цвета платье; черная вуаль («ридэ», как называет ее Руставели) прикрывает ее густые темные волосы. Один из негров вбивает в землю кол, к которому уже привязана лодка, а другой старается толкнуть ее ближе к берегу. Покров таинственности окутывает все, совершающееся вокруг, но покоем и безмятежностью дышит природа... Трудно пересказать словами то, что выразит кисть художника, надо видеть саму картину, чтобы оценить ее прелесть».

Спустя месяц на первой странице той же газеты снова встречаюсь с отзывом об этой картине.

Описанная работа не была единственным произведением Башинджагяна на темы «Витязя в тигровой шкуре». Спустя тридцать лет в одной из грузинских газет сообщалось о «новой картине Башинджагяна». «Видный армянский художник Г. Башинджагян,— читаем мы в статье,— изобразил один из эпизодов «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели — тот, когда Фатьме в отворенное окно смутно видится что-то плывущее по морю. Как пейзажист, Башинджагян выбрал соответствующую тему, изобразив вечерние сумерки, окруженный сосйами замок Фатьмы в восточном стиле, гладкую садовую тропинку, ведущую к дому. Уже много лет Башинджагян изучает Руставели, и художником задумано написать серию картин на темы знаменитой поэмы».

Картина была экспонирована на «Второй осенней выставке Общества грузинских художников» в Тифлисе в 1919 году и обозначена в каталоге выставки под названием «Страница из Руставели».

Дальнейшая судьба и этой картины также неизвестна. Таким образом, удалось выяснить один очень важный факт: интерес Г. Башинджагяна к великому созданию Руставели не случаен. На протяжении почти сорока лет поэма служила источником его художественного вдохновения. Воплощенные в «Витязе в тигровой шкуре» благородные гуманистические идеи волновали и воодушевляли художника. Средствами своего искусства он выражал любовь и уважение к гениальному барду Грузии и к народу, его породившему.

Бесследно ли исчезли картины выдающегося художника?

Ашот АРЗУМАНЯН

Т. Абакелия. ТАРИЭЛ, АВТАНДИЛ И ФРИДОН. Иллюстрация к поэме «Витязь в тигровой шкуре».

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Бессмертная поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», исполненная высоких гуманистических идеалов, представляющая собой кладезь этических и эстетических представлений народа, создавшего свою высокую самобытную культуру, привлекала к себе внимание художников многих поколений. Вдохновенные строки пламенного певца будили ответные чувства. Поэма никого не оставляла равнодушным: ни пастуха, пасшего свои стада на склонах гор, ни земледельца, возделывающего виноградники, ни светского или духовного владыку в его чертогах. Естественно было желание художников зримо воплотить благородные образы героев поэмы, выразить в красках, в рисунке глубокую мысль поэта. Задача была не из легких. «Витязь в тигровой шкуре» — поэма эпохального масштаба — возвышалась над морем людским, как гигантская скала. Не каждому дано было разглядеть ее очертания, скрытые в облаках.

До наших дней не дошло ни одной рукописи «Витязя», современной поэту. Писались копии и копии с копий, многие из них гибли в огне персидских и турецких нашествий, и все же поэма сохранилась и в памяти людской и в вещественном выражении: до нас дошли списки XVI и XVII веков. Нас пленяет изящество миниатюр художников и каллиграфов И. Авалишвили, Б. Таниашвили, М. Тавкарашвили, их стремление донести до своего читателя и обаятельный облик поэта и «вкус» той эпохи, в которую жил и творил Руставели. На некоторых работах явственно ощущается влияние несравненных мастеров иранской миниатюры, на других заметны мужественные самостоятельные поиски, очень важные для становления и утверждения национального грузинского искусства.

От этих времен дошел до нас и портрет Руставели — поэта, ученого и философа,— ставший исходным началом для работ художников XIX и XX веков. Теперь всем известен и другой портрет Руставели, обнаруженный на колонне грузинского Крестового монастыря в Иерусалиме. Он изображает поэта в глубокой старости, облаченного в одежды вельможи. На существование этого портрета впервые указал в середине XVIII века в своем «Путешествии» церковник Т. Габашвили. Почти через 100 лет его увидел, перерисовал и описал известный грузинский ученый Н. Чубинишвили. Потом колонну покрыли слоем краски и портрет исчез. Действительность стала легендой, и лишь шесть лет тому назад экспедиции Грузинской Академии наук в составе И. Абашидзе, Г. Церетели и А. Шанидзе удалось легенду превратить в реальность: слой краски, скрывшей портрет, был счищен, и перед взором ученых возник портрет Шота Руставели.

Иллюстрированное издание «Витязя в тигровой шкуре» впервые было осуществлено в 1888 году под руководством известного грузинского поэта и просветителя Ильи Чавчавадзе. Иллюстрировал книгу художник М. Зичи. Это был талантливый человек, но нередко увлекавшийся в своих работах внешней нарядностью. Его не интересовала историческая точность, да и достоверных материалов по истории грузинской культуры в ту пору было весьма немного.

В тридцатых годах своеобразный и острый рисунок в своих работах по иллюстрированию «Витязя» показал художник Л. Гудиашвили. Посмотрите на его «Дорогой подарок» — поэт подносит царице Тамар свою книгу. Рисунок декоративен, полон изящества, пластики. Фресками старых храмов, иллюстрациями древних книг веет от композиции.

Тамара Абакелия пошла по другому пути. Ее «Тариэл, Автандил, Фридон перед Каджетским боем» монументальны, мужественны, исполнены грозной силы, несокрушимости. Хотя талантливая художница свои иллюстрации считала лишь подготовительной работой к большому замыслу, какой она носила в своем сердце, тем не менее они превосходны. Герои кажутся словно выкованными из меди. Рисунок волнует, всматриваясь в него, вспоминаешь звон руставелиевских строф.

Своеобразна и очень тонка работа С. Майсашвили. Автандил и Тинатин. Его Автандил нежен и вместе с тем полон рыцарского достоинства. Художник по-своему, в своей творческой манере трактует поэму, стремится передать по возможности точно ощущение времени, в котором жили герои Руставели. Тщательно выписана каждая деталь: узор платья, жемчуг ожерелья, тени и краски возникшей вдали грозной скалы.

Читая «Витязя», люди видят в героях поэмы самоотверженность, силу, благородство, любовь к слабым, ненависть к несправедливости и злу. Художник И. Тоидзе усиливает это восприятие, как бы восклицая вместе с читателем: нет преград для правды и непреодолимых препятствий для мужества! Его рисунки полны бурного движения, накалены неистовством борьбы. Смотришь, и кажется, что слышны удары мечей и пение стрел.

Иллюстрации С. Кобуладзе эпически монументальны. Они талантливо подчеркивают возвышенность поэмы, ее благородство, тот высокий аристократизм духа, который ей свойствен.

И. Дивногорцева-Григолия, Н. Янкошвили-Авалиани, У. Джапаридзе — каждый по-своему старается проникнуть в бездонные глубины поэмы. Поиски продолжаются.

Прошли столетия с того времени, когда родилась великая поэма. Представляя собой источник наслаждения и высокого вдохновения, она своей силой и красотой всегда будет возбуждать человеческую мысль. Не одно поколение художников прильнет к этому чистому и светлому источнику. Сделано немало, но впереди еще новые искания, новые труды, ибо громаден Руставели и вершина еще не достигнута. И навечно останется в памяти благодарных людей тот, кто сумеет во всем объеме языком живописи или графики выразить обаяние и мудрость поэмы, ибо Руставели — это Грузия, а Грузия — это Руставели.

Прекрасна Грузия, прекрасен и велик ее Песнопевец.

Н. НИКОЛАЕВ

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД

Судить о литературном переводе — это решать неразрешимую проблему. Единственный неоспоримый судья — читатель, для которого и предназначен перевод, но именно он не знает оригинала, и поэтому у него нет возможности сравнивать. Совершенно очевидно, что единственным компетентным судьей может быть тот, кто знает оба языка, но отнюдь не для него старался переводчик.

Автор этих строк не знает и двух слов по-грузински. Он совсем не компетентен, чтобы оценить французский перевод, вышедший в Париже в издательстве Галлимар под покровительством ЮНЕСКО. Но тем не менее его мнение неопровержимо, так как именно для тех, кто не знает языка подлинника, и трудился Серго Цуладзе. И трудился очень плодотворно. Читая его перевод «Витязя в тигровой шкуре», я не только чувствовал радость познания и обогащался, соприкасаясь с другой цивилизацией, но, что самое удивительное, я испытал то истинно эстетическое наслаждение, которое дает подлинное проникновение в глубь шедевров. И не я один испытал это: французская пресса единодушно констатировала то, что можно назвать захватывающей силой этого перевода. Переводчику была присуждена премия Ланглуа.

«Витязь в тигровой шкуре» прибавлял еще две высших трудности к тем и без того достаточным затруднениям, с которыми обычно связан любой литературный перевод, достойный так называться: вопервых, это поэма и, во-вторых, поэме восемь веков.

Теоретические дискуссии о том, как переводить поэму, очевидно, никогда не кончатся. Нужно ли переводить прозой, чтобы точно следовать тексту подлинника? Или ритмической прозой, чтобы передать атмосферу? Или стихами того же типа, что оригинал, чтобы читатель получил представление о поэтической ткани? Пока идет абстрактный спор, ничего из этого выйти не может: есть достаточно веские аргументы для каждого из решений. Все правы и все неправы. Лишь опыт, творение переводчика могут служить доказательством и только в особом случае.

Переводчик «Витязя в тигровой шкуре» сумел, оставаясь верным тексту, сохраняя шестнадцатистопный стих, наконец, когда это возможно, рифмуя его и даже находя богатые рифмы, напомнить о том, что форма четверостиший Руставели была чрезвычайно искусной; он сумел донести поэтическое дыхание и красоту формы, сохранив при этом то, что составляет красоту содержания.

Кроме того, добавим, что произведению восемь веков, и нужно было, чтобы французский читатель это ощутил. Сегодняшние формы стихосложения (и еще хуже вчерашние!), слишком современные (или, увы, псевдоклассические) обороты речи убили бы эпопею. Но тем более нельзя было переводить Руставели на французский язык XII века: только эрудиты могли бы понять такой перевод. Вдобавок это значило бы вступить на ложный путь, потому что грузинский гораздо меньше изменился за восемьсот лет, чем наш язык. Цуладзе удалось преодолеть все эти трудности, сохранив исторические нюансы, что неотделимо от хорошего вкуса: он нашел доступный стиль и в то же время передал ощущение отступления в глубь времени.

Оставался еще один подводный камень: Грузия ведь для нас так далека!.. И нужно было ее приблизить, чтобы древняя поэма не казалась экзотикой. Именно этой цели служат введение и примечания. Благодаря этому подчеркивается своеобразие грузинской культуры, перебрасываются мостики и стираются границы. Сперва в историческом плане напоминается о тех, кто был во Франции современниками Руставели. В плане литературного жанра также вызывается в памяти родство «Витязя в тигровой шкуре» с нашим куртуазным романом. В области мысли особенно — и это главное — обнажены не только восточные, но и эллинские источники, к которым обращался Руставели, и его неоплатонические источники. Одним словом, Цуладзе сумел увидеть сквозь почти тысячелетие и показать ощутимое единство человеческой цивилизации, к которой принадлежат все народы.

Произведение эрудита, поэта и ученого, перевод этот, открывший французам гения, известного до сих пор лишь специалистам, делает честь Грузии, как сегодняшней, советской, так и Грузии царицы Тамар. Это блистательный вклад в сближение наций.

Жан КАТАЛА

С. Майсашвили. ПРОЩАНИЕ АВТАНДИЛА С ТИНАТИН. Иллюстрация к поэме «Витязь в тигровой шкуре».

Этот снимок взят из западногерманского журнала «Квик». Сайгонский наемник душит женщину.

Фото ТАСС, ЮПИ.

«ВЫБОРЫ» ПО-САЙГОНСКИ

Даже буржуазные газеты Запада называют сайгонские выборы в учредительное собрание «уродливой карикатурой на демократию». В самом деле, вряд ли можно придумать картину более разоблачительную, чем то, что наблюдалось в Южном Вьетнаме в прошлое воскресенье. Площади городов около мест для голосования напоминали тюремный двор, оцепленный стражниками. Из 15 миллионов жителей зарегистрировались только 5 миллионов. Людей заставляли голосовать насильно, буквально под ружьем.

Зная, что собой представляет режим Ки, не приходится удивляться тому, что в Соединенных Штатах были заранее сделаны довольно точные предсказания о результатах выборов. Правда, по сообщению из некоторых западных источников информации, первоначальная ошибка при подсчете бюллетеней составила около миллиона голосов!

Удивляет другое. Зачем вообще понадобились эти выборы? Незадолго до выборов президент США Джонсон официально заявил, что американская политика в Южном Вьетнаме останется неизменной. Иными словами, США по-прежнему будут поддерживать насильственными военными средствами антинародный режим Ки. Следовательно, выборы практически ничего не меняют. С другой стороны, организаторам выборов легко было предвидеть, что проведение их в условиях сайгоно-американской «демократии» еще больше разоблачит в глазах мировой общественности и самих сайгонских марионеток и их заокеанских покровителей.

●

Как известно, президент Французской Республики де Голль предпринял большую поездку по зарубежным странам. На нашем снимке — один из моментов пребывания генерала де Голля в Камбодже.

●

Два человека в центре этого снимка — американские космонавты Ричард Гордон и Чарльз Конрад, которые 12 сентября стартовали в космос на корабле «Джемини-11». Рядом с ними их дублеры. Во время полета американские космонавты провели стыковку своего корабля с запущенной ранее ракетой «Аджена».

●

Из здания южноафриканского парламента выносят тело премьер-министра ЮАР Хендрика Фервурда. Человек, долгое время возглавлявший клику расистов, стоящих у власти в стране, человек, которого называли создателем расистской политики апартеида, был заколот ножом в здании парламента накануне своего шестидесятипятилетия. Создав в стране обстановку террора, он сам стал жертвой террористического акта.

МИХАЙ ЗИЧИ ИЛЛЮСТРИРУЕТ «ВИТЯЗЯ»

В 1880 году в Грузии под председательством классика грузинской литературы Ильи Чавчавадзе начала работать комиссия по изданию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Решено было впервые издать ее иллюстрированной, хотя возможностей для этого у комиссии, по существу, не было. И вдруг — такая удача! — в Тбилиси прибыл известный петербургский художник, венгр Михай Зичи. Его привело сюда желание собрать материалы для иллюстрации лермонтовского «Демона».

Михай Зичи был передовым человеком своего времени. Образование он получил в Венгрии, затем совершенствовался в Вене у знаменитого Вальдмюллера. Но, тяжело переживая судьбу своего народа, угнетенного австрийским господством, он в знак протеста эмигрировал в Россию.

Первые два года художник давал в Петербурге уроки рисования, работал ретушером в частной фотографии и, конечно, писал картины, которые продавал на рынке за бесценок. Несколько его произведений, экспонируемых на очередной зимней выставке в Петербурге, привлекли внимание французского писателя Теофила Готье. Он дал о них восторженный отзыв в прессе, и авторитет художника необычайно вырос. Его избрали членом Петербургской Академии Художеств.

В 1881 году он уже был в Грузии с темой «Демона» и страстным желанием познать этот край. Знакомство Михая Зичи с поэмой Шота Руставели, с природой, историческими памятниками, бытом и нравами Грузии покорило его сердце. Он взялся иллюстрировать произведение Шота, причем безвозмездно.

Художник пробыл в Грузии почти полтора года и увез с собой много эскизов. Вместо заказанных издателями 12 иллюстраций он сделал 34. Из них были выбраны 27. Он лично отвез рисунки в Вену к мастеру-цинкографу Ангереру для изготовления клише. Цветные репродукции печатались в Лейпциге под его наблюдением. В 1887 году он прислал готовые иллюстрации для включения в книгу. А еще через год, когда книга уже вышла, он приехал в Грузию и преподнес издателям альбом своих оригиналов, надписав: «В знак благодарности и сердечной преданности грузинскому народу».

Михаил ГОРГИДЗЕ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Советская журналистика понесла тяжелую утрату — скоропостижно скончался Александр Иванович Кузнецов — горячий публицист и зоркий партийный редактор. Начав свою трудовую жизнь у заводского станка, Александр Кузнецов еще юношей берется за журналистское перо и не выпускает его из рук до самого своего последнего часа: смерть настигла его за рабочим столом.

Всюду, где бы ни работал журналист-большевик, он был непримиримым борцом за высокие коммунистические идеалы. Память о замечательном человеке и друге навсегда останется в наших сердцах.

Группа товарищей.

ИСКАЛИ МОЛОДИЦУ

Рассказ

Евг. ПОПОВКИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Последнее время Петр Петрович слыл человеком вполне благонадежным в моральном отношении. Его перестали журить за отклонения от семейной жизни. По собственным подсчетам, он не отвлекался от законной жены эдак уже три года. Перестало распекать Петра Петровича начальство и за слишком отзывчивое отношение к граненой чарочке; прикладывался теперь он к ней, проклятой, тишком — в надежном кругу родичей и близких знакомых. А раньше — чего таить! — водились грешки. Бывало, о Петре Петровиче Заброде, председателе раздольненского колхоза «Перемога», отзывались кратко: «Чемпи-й-он». И в смысле чарки и в смысле неодолимой приверженности к румянощеким молодицам.

Петру Петровичу было теперь не до мужских шалостей. Размышляя о чем-либо бессонными стариковскими ночами, он чаще всего возвращался в мыслях к пенсионной книжке. Услышал как-то о себе насмешливые слова: «Наш уже председательствует одной ногой, а другой шагает к социализму, в котором ни выговоров, ни заседаний...» Предчувствуя, что долго на своем хлопотливом посту не удержится, Петр Петрович завел сберегательную книжку.

Благотворные и высокоморальные перемены произошли в его поведении с того дня, когда он с заседания бюро райкома угодил в местную лекарню. И попал туда не потому, что внезапно прихворнул, а из-за собственной дурости, как впоследствии объяснял он закадычным дружкам.

Произошло это так. С утра хватили с заезжим агентом по заготовке овощей лишку. Тут бы, как обычно, скрыться Петру Петровичу в холодок, под тень старой шелковицы, что росла в самом конце огорода. Не раз и не два предоставляла она Заброде прохладное прибежище. И на этот раз следовало бы переждать, пока спадет проклятущая жара!

Заброду разыскали. Не вняв его жалобным стонам и всхлипам, извлекли из лопухов и потребовали: срочно в райком! Он смахнул рукавом бисерный пот со лба, пожевал сухой лавровый листочек, чтобы дух от него шел пряный, сел на бедарку и поехал.

Вопрос, который задали в упор на заседании, очень испортил ему настроение.

— Доложи, товарищ Заброда,— сказал первый секретарь райкома голосом, от которого у Петра Петровича взмокла спина и слетел почти весь хмель,— докладывай, когда планируешь покончить с зеленым змием! Прекратишь ли позорить и себя и свой колхоз? Или надо принять меры?..

А раз первый так начал, тут, конечно, и другие стали его песочить. Петр Петрович сидел в углу на краешке зыбкой табуретки, и настроение портилось у него все больше и больше. Чем строже о нем высказывались, тем ниже клонилась его подстриженная «под бокс» голова. И когда кто-то произнес неприятные слова о том, что пора, дескать, освободить в колхозе «Перемога» председательскую должность от Заброды, у Петра Петровича вроде булькнуло что-то в сердке. Он схватился за сердце и рухнул на пол.

...Очнулся он в больнице. Осведомленные люди передали ему позже, что члены бюро каялись. Столько лет-де ходил Заброда в передовиках, вытащил хозяйство из глубокого прорыва. Не наваливаться бы надо на старика, а идейно воспитывать. Не слишком ли перегнули?..

Петр Петрович смиренно лежал под байковым одеялом, на узенькой больничной простынке, пахнущей неотмытым хозяйственным мылом, отдыхал.

В эту минуту и появился в палате товарищ Дижечка, редактор районной газеты.

Дижечка подсел к койке Петра Петровича и, стараясь придать своему голосу как можно больше благожелательства, говорил:

— Не надо так близко принимать к сердцу критику. Сердце, брат,— штука дефицитная, оно положено на каждого человека одно... На всю его жизнь... А то если сильно переживать, то недалеко и до этого самого... Словом, до инфаркта... Или инсульта...

Успокаивая Заброду, Дижечка очень волновался, заглатывал слова. Раздольненский председатель даже прослезился, стал, в свою очередь, успокаивать редактора.

— Нету у меня инфаркта,— облизнув сухие губы, сказал он слабым голосом.— С табуретки я упал потому, что задремал. Очень длинно все говорили. Меня и окунуло в сон... А в кармане пиджачишка была эта пакость... В об-

щем, пол-литра начатая. Испугался, что вывалится и разольется...

В райкоме об этой беседе Дижечки и Заброды узнали, весело посмеялись, но секретарь райкома все же предостерег его.

— Последний раз прощаем, Петр Петрович. Одумайся, пока не поздно!

И для острастки вынесли строгий выговор с предупреждением. Пояснили:

— Не снимаем с работы, учитывая прежние заслуги...

С той поры подтянулся Петр Петрович, не допускал никаких замечаний в свой адрес. Перевоспитался.

И вот снова бес попутал. На этот раз бес явился в облике того же редактора, Ильи Филипповича Дижечки. Приехал редактор в колхоз «Перемога» летним днем. Петр Петрович повел его показывать последние достижения. Зашли в новую овчарню. Дижечка записывал. Поехали на табачные плантации, потом на виноградники. Дижечка все записывал. И на молочной ферме заносил что-то в блокнот. А под вечер, когда заглянул на колхозный винзавод, спрятал свою записную книжку в карман: местные винные образцы никаких сомнений у него не вызывали.

Не появилось у него нареканий и по поводу домашней снеди в хате у Заброды. Поужинали... Добросовестно отдегустировали содержимое внушительной бутыли. Потянуло на разговор.

— Богато живете,— с сытой зевотцей сказал Дижечка.

— Мечтаем о лучшем,— ответил Петр Петрович.

— К тому идет.

— Точно!

В предвидении этого лучшего выпили еще чуток.

— Идея созрела, Петр Петрович,— сказал Дижечка, загадочно улыбаясь.

— Слушаю-с!

Дижечка стал делиться своей идеей не сразу. Подходил к вопросу обходными, извилистыми путями.

— Вино колхоз давит?

— Как видите, Илья Филиппович, собственное.

— Кабанчиков на базаре продаете?.. Мясцо, сальце?..

— Не без этого.

— Наверное, и брынзой на рынке приторговываете?

— Бывает, Илья Филиппович.

На этом, не совсем еще понятном Заброде участке разговора Дижечка слегка задумался; даже морщинки собрались у него на лбу. Потом, следуя каким-то своим соображениям, он задал новый вопрос:

— Молодайка у вас найдется красивая?

Заброда покосился посоловевшими глазами на бутыль, наполовину опорожненную, перевел взгляд на Дижечку.

— Подыскать можно,— ответил он шепотом.

— Чтоб она бойкая была... С густыми бровями... Очи черные... А ресницы мохнатые...

Супруга Петра Петровича, выглянув из кухни, подсказала:

— Надька Заярная...

Заброда, чуть качнувшись, посмотрел в ее сторону, намереваясь что-то сказать, но это у него не получилось. Он только икнул.

Дижечка продолжал:

— Так вот, Петр Петрович... Надо, чтоб молодица подороднее была...

Заброда понимающе кивнул.

— Голосистая... Краснощекая,— развивал свою мысль Дижечка.

— Мотька!..— шепнул Заброда, оглядываясь на кухню.— Да вам, извиняюсь, она зачем?

Оставив без внимания вопрос председателя, Дижечка добавил:

— С крупным монисто на белой лебединой шее... Чтоб всем смотреть на нее было приятно...

Заброда прерывисто вздохнул:

— Молодиц у нас красивых много... Так все почти замужние. В основном, конечно...

— Замужние — это хуже,— огорчился Дижечка.

— Вот Устя есть в четвертой бригаде,— сказал Заброда, подумав.— Птичница. Черт в юбке, а не Устя.

— Я тебе, паралик лысый, покажу Устю!— прошипела хозяйка, выглянув из кухни.

Петр Петрович пригнул голову, переждал, пока жена скрылась за дверью, и вдруг беспокойно посмотрел на подвыпившего Дижечку.

— Еще раз извиняюсь...— полюбопытствовал он.— Зачем вам Устя или Надька?

— Мне все равно, Надька или Устя,— флегматично отпарировал Дижечка.— Я о тебе, Петя, забочусь.

Петр Петрович уставился на собеседника мутным взором, вздохнул:

— От меня хоть бы старая отчепилась... А новая?.. Нехай ее другие заглатывают.

Дижечка начальственно изогнул реденькие рыжие брови:

— Ну, вот что... Разверну перед тобой свою стратегию... А ты вникай, председатель!.. Мимо твоего колхоза, по шоссе, сколько народа каждый день ездит?.. Туристы, курортники, рабочий люд... Поблизости на десятки километров — ни ресторанчика придорожного, ни самой захудалой закусочной... А ты свое богатство в Симферополь на базар возишь... Дошло до тебя?

— Смутновато, Илюша...

— Сейчас поймешь. Красуется у самой дороги павильончик веселенький. И вывеска еще издалека всем в глаза бросается: «Добро пожаловать, люди добрые!» Колхозный ресторанчик... Понял?.. И название подо полиричней: «Чайка» или, допустим, «Колхозная незабудка». Встречает каждого проезжего или проходящего бойкая молодица: «Вареничков горячих не желаете отведать? Со сметанкой! Или холодец из свиных ножек?.. Яички диетические...»

— Начинаю смекать, Илья Филиппович.

— Чтоб не какие-нибудь завалящие консервы или пряники прошлогодние,— перечислял Дижечка.— Пирожки горячие с капустой или мясом. Блинцы. Квасок яблочный. Колбаса жареная с картошкой... Все свеженькое, прямо из печки... Чай из самовара. Пруд у тебя большой, так можно рыбку, только что пойманную. Раки... А? Как? Есть у тебя все это?

— Найдется.

— И в город, на базар, людей не надо гонять... Ты первый начнешь, другие подхватят... По всем крымским дорогам колхозные ресторанчики... В одних — то, в других — другое... Фирменные блюда. И все смачное. Чебуреки. Шашлычок...

Был Заброда человек хозяйственный. Стал прислушиваться к Дижечке с азартным блеском в глазах; крупное потное лицо его даже слегка побледнело. Но после недолгого раздумья ответил сдавленным голосом:

— База!

— Какая база?

— Районная. Потребсоюз... Не допустит.

— Наплюй!— самоуверенно сказал Дижечка.— Я в газете ваш почин опишу... Помяни мое слово!.. От райкома похвала. Может, и от вышестоящих инстанций...

Петр Петрович продолжал напряженно думать. В его распалявшемся воображении возникала все более завлекательная картина. Можно поставить не один, а два павильончика... Красивых, какие он видел в Алуште и в Ялте... А может, и получше. В одном — Мотя, в другом — Устя. Звеня разноцветными монистами, с шутками и прибаутками реализуют излишки колхозной продукции. Само собой, другие председатели из зависти будут сперва подсмеиваться. «Обратно,— скажут,— Заброда всех перехитрил»...

Петр Петрович пожевал кусок сваренного в борще сала со шкуркой и наконец не столько сказал, сколько выдохнул:

— Сделаем, Илюша!.. Ей-богу, сделаем!..

Они допили бутыль, облобызались, и Дижечка уехал.

* * *

Спустя две недели у обочины шоссе, где грейдерный большак сворачивает к садам колхоза «Перемога», с грузовиков начали сваливать кирпич, доски, кругляк, шифер. Петр Петрович дневал и ночевал на ударной стройке. Стремительно поднимались стены; печники вмазывали в плиту чугунные котлы; над затейливой резьбой для террасы колдовали приезжие мастера.

Не забывал о стройке и Дижечка. Время от времени позванивал по телефону.

— Все в порядке!— докладывал Заброда.— Скоро пригласим в гости. Молодицу ищем...

Самонадеянность его между тем имела под собой весьма шаткую почву.

Первый удар нанесла председателю Мотя Стародуб. Та самая краснощекая и чернобровая, которая позарез нужна была для украшения «Колхозной незабудки». Года три назад поставила Мотя со своим женским звеном рекорд по овощам, стала ездить на слеты, сидеть в президиумах, и всегда в привезенной с Полтавщины расшитой украинской сорочке, со снизками тяжелого янтарного мониста на пышной груди.

По всем статьям подходила она для замысла Дижечки и Заброды: была расторопной, обладала звонким голосом, озорными серыми глазами, умела пошутить с людьми.

Петр Петрович появился у нее в бригаде неожиданно. Постоял, понаблюдал, как знатная звеньевая проворно нагружала с подружками ранней капустой трехтонку. Потом отозвал в сторону.

— Сдавай, Мотя, свое звено,— сказал он, нежно оглядывая звеньевую.— Другую должность тебе подыскали...

Мотя рывком опустила подол подвернутой юбки, прикрывая полные розовые колени, внимательно слушала сбивчивый рассказ председателя о кафе «Незабудка».

— Оцэ спасыби за таку должность!— перебила она с грубоватой насмешливостью.— А нэ лучше будэ, як вы своей жинци такэ предложение сделаетэ?.. Якись вытрэбэньки выдумалы...

— Та ты, Мотенька, гордость наша, послушай,— заискивал перед ней Заброда слезливым голосом.

— И слухать нэ хочу. У мэнэ чоловик, троедитэй, а я буду до вашего трактира як тэ бездомнэ цуценя бигать?.. Чого я там нэ бачыла?!

— Зато какая слава по всему Крыму пойдет про тебя,— хватался Заброда за зыбкий аргумент.

— И-их слава!.. Найдить кого помоложэ... Або вдову... Варьку Мокрозубиху в свою «Незабудку» суньтэ! Там, як вы кажэты, шофера будуть, проезжии мущины, а у Варьки всигда февральско-мартовское настроение... А я не гуляка... Звыняйтэ, у мэнэ работа...

Мотя сердито надвинула на лоб голубую косынку, крутнула бедрами и ушла к подругам, не оглядываясь.

С Устей разговор получился не более ус-

пешный. Заброда, вызвав ее в колхозную контору, начал издалека:

— Как настроение?

— Бодрое,— ответила птичница ледяным голосом.— Но в «Незабудку» вашу не пойду... Понятно?! В заочный институт поступаю.

Устя стояла перед председателем в своих синих спортивных шароварах и ярко-оранжевой импортной кофточке с засученными выше локтя рукавами в такой воинственной позе, что у Заброды на лбу и лысине проступила испарина.

— Да ты, девонька, понимаешь, на какое дело тебя подымают?— вкрадчиво спрашивал он.

— Понимаю! Зубы скалить проезжим,— язвительно ответила Устя.

— Ла-асточка моя... Золотце!

— С птицефермы никуда не пойду... Мало у нас вертихвосток?! Их и мобилизуйте... Привет! Мне утят время кормить...

Наотрез отказались перекочевать в не дающуюся в руки председателю «Незабудку» еще три молодайки.

Шли дни и недели. Заброда самоотверженно и настойчиво продолжал поиски. Взбаламутил не только баб, но и их мужей! Ходил, помахивая посошком, по дворам и бригадам, вглядывался с ястребиной зоркостью в обличье молодиц и девчат. Те уже начали всячески его остерегаться, прятались, где только было возможно.

Держал Заброда в запасе Варвару Мокрозуб — вдовицу, которую, по словам злоязычных кумушек, никогда не покидало «февральско-мартовское настроение». Он его (этого пока разглашать не станем) на себе испытал. Заброда отважился бы послать на ответственный придорожный пост Варвару лишь в том случае, если не сыщется кто понадежнее.

Была у него на примете еще одна вдова, жившая одиноко на краю поселка,— Явдоха Поползухина. «Не подарок любителям свежих вареников»,— печально думал он. Далеко не первой молодости, медлительная и малоразговорчивая, придремывавшая на всех собраниях и совещаниях, вдобавок не очень опрятная, Явдоха мало соответствовала той роли, что предназначалась ей в колхозном ресторанчике, который должен покорить и проезжающих и высшие инстанции. Но и перед ней вынужден был Заброда закинуть свою малоудачливую удочку.

Он поехал к Явдохе домой на бедарке. Начальственно развалясь на скамеечке под яблоней, долго втолковывал, чего ждет от нее колхозное правление. Явдоха, отгоняя рушником назойливых ос, дремотно слушала председательские посулы.

— Сколько километров до вашей... как ее... «Халабудки»?

— Голова садовая! «Незабудки»! Семь километров...

Явдоха подумала. И вдруг в ее характере обнаружилась такая расчетливость, что у Заброды перекосило лицо.

— Это мне туда-обратно по четырнадцать километров до вашей харчевни каждый божий день прохаживаться?— деловито осведомилась она.— В дождь, в грязюку... Что я, шалопай? На пса мне это?!

— «Волгу», любушка ты моя, тебе купим!— выкрикнул Заброда плачущим голосом.— Заночевать не смогла бы там?!

— Э, ни! Квартиру свою я не брошу. У меня огород... Коза, подсвинок.

— Чего вы все кочевряжитесь!— Заброда с ненавистью глядел на желтые редкие зубы Явдохи, облупленный нос, морщинистую шею.— С вами, неотесанными, ни до какой культуры не допрешься...

Ушел он от Явдохи Поползухиной ни с чем. И тогда уж, не заезжая домой, направил бедарку до хаты Варьки Мокрозуб. Если уточнять, не подъехал к ее воротам, а подкрался, боясь не столько законной супруги, сколько вредных языков. Когда-то, в давнопрошедшие времена его мимолетных вечерних бесед с Варькой, изрядно попортили они ему нервы.

Варвара вышла к Заброде на крылечко. Встретила с нескрываемым одобрением, но не сдержалась и ласково попрекнула:

— Вспомнил все-таки!.. Проходи, Петя...

Она взяла Заброду под руку, но тот цепко ухватился за перильца, уперся в приступки обоими сапогами, с места не стронулся.

— По делу к тебе, а ты всякие намеки,— проворчал он.

Варя запахнула на груди цветастую кофтенку, глаза ее потемнели, но тут же она с ехидной кротостью осведомилась:

— А до других своих симпатий ночью по делам наведываетесь, Петро Петрович?

Заброда даже сплюнул от ярости.

— Хаханьками мне нету времени заниматься!— сердито, скороговоркой проговорил он.— Пойдешь в «Незабудку»?

— А к чему мне это?— хитро прищурившись, спросила Варька.— Здесь хучь раз в месячишко свидаемся, Петро Петрович. Никуда не стронусь...

Она явно издевалась над председателем в отместку за его мужскую робость. Заброда прогрохотал сапогами по ступенькам, пнул ногой подвернувшегося щенка, хлопнул калиткой и, сипло дыша, взобрался на бедарку. На душе у него давно уже не было так гадко. Со строптивыми бабами он возился еще с неделько и, люто возненавидев их всех, открыл свой павильон «Незабудку». Тихонько, без хлебосольства, торжественных речей и приглашенных. Даже главного вдохновителя Дижечку обошел.

Тот позвонил:

— Что же ты скрываешь?

— Что скрываю, Илья Филиппович?— прикинулся Заброда простачком.

— Имею сведения, что отбоя от проезжих нет.

Заброда с минуту молчал, затем буркнул:

— Покудова еще ищем...

Дижечка молча положил телефонную трубку. На следующий день старенькая «Победа» затормозила у раскрашенного яркими красками павильончика возле шоссейной дороги. Дижечка, от которого Заброда куда-то предусмотрительно скрылся, выбрался из кабины, сумрачно уставился на новенькую вывеску:

«ЧАЙНАЯ СЕЛЬПО»

У стеклянной стойки, заставленной консервными банками, блюдцами с малоаппетитным винегретом, толпилось человек пятнадцать. Манипулировал над небогатым запасом снеди небритый, пасмурный продавец. Он, взвесив кому-то из очереди ржавую селедку, вытер обшлагом замусоленного халата вислый бордовый нос в склеротической паутинке и неприязненно покосился на Дижечку.

— Гражданин в шляпе,— хрипло предупредил он.— В очередь не станóвьтесь. Чайная закрывается на обед...

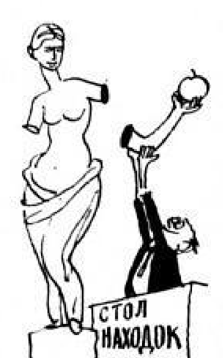

ПЕДАЛИ ДЛЯ ВЕРХОЛАЗОВ

Любопытное изобретение демонстрировалось недавно в Англии: вместо привычных «когтей» используется приспособление, похожее на велосипед.

ГДЕ РУКИ ВЕНЕРЫ?

В последнее время появилось много сообщений о том, что якобы обнаружены руки Венеры Милосской. Все эти открытия были обычным плодом выдумки журналистов.

Но вот недавно турецкий профессор Ахмед Ресим сообщил, что руки Венеры действительно найдены. Они находятся у частного лица и будут переданы турецкому правительству в случае, если статую возвратят из Парижа в Стамбул. Как известно, статую Венеры откопал в своем огороде один греческий крестьянин с острова Милоса, в те времена принадлежавшего Турции. Французский посланник пытался купить статую, но безуспешно. Тогда французы просто отняли ее при переносе на турецкий корабль. Во время стычки у Венеры и были отбиты руки.

ПЕРВЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ЧЕЛОВЕКА

В Гельголанде (ФРГ) прошла выставка, вызвавшая огромный интерес среди ученых и людей искусства. На ней демонстрировались художественные изделия первого человека на земле. Статуэтки из кремня, показанные на выставке, изображают главным образом животных, но среди них есть и скульптурные портреты человека.

БЕСПОЛЕЗНЫЙ РЕЗЕРВ

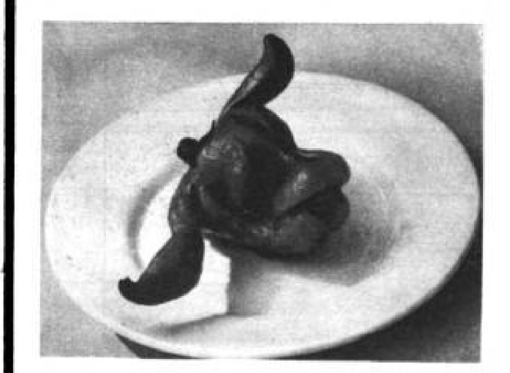
Одна канадская воинская часть, расположенная в Эдмонтоне, имеет собственную электростанцию на случай, если в городской электросети почему-либо прекратится подача тока. Когда настал такой момент и дежурный приказал включить запасной генератор, оказалось, что он находится в помещении, двери которого открываются с помощью электроэнергии из городской сети.

ЧТО ТАКОЕ?

Похоже на голову буйвола, не правда ли? Но это всего лишь перец, который вырос на ташкентском огороде.

Э. ПЕНСОН

Ташкент.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ИГРА С ТЕНЬЮ

ГЛАВА 6

ПО СТУПЕНЬКАМ ВНИЗ

— Привет, молодой человек! Чего стал? Проходи, садись вот сюда.— Гончаров отодвинул лежащие перед ним бумаги и дружески кивнул Луневу. Дождавшись, когда Виктор сел у стола, он продолжал смешливо: — Что же получается, вышел хлопец погулять, путь изрядный сделал, шутка ли, в Ново-Ладыженский переулок забрался, а его ни с того ни с сего в машину и на Петровку? Небось, так думаешь? Не таись.

— Точно говорите, товарищ начальник. Именно так, ни с того ни с сего,— заторопился Лунев.— Не по справедливости получается. Это значит, если моя физиономия кому не понравится, значит, сразу можно...

— Сразу, конечно, нельзя,— добродушно ответил Гончаров.— А физиономия у тебя, я бы сказал, ничего, подходящая. Вот только мешки под глазами и в желтизну отливает. Крепко пьешь?

— Выпиваю.

— А почему не на работе?

— В отпуске я,— соврал Виктор.

— Только познакомились, а ты уже загнул,— обиделся Федор Георгиевич.— С работы ты уволился две недели назад. По этой машинке я сейчас справку навел.— Гончаров показал на телефон.— И ведет ныне Виктор Лунев раздольную жизнь. Ни гудков фабричных, ни нормы, один обеденный перерыв. Правильно говорю?

Виктор молчал.

— А ведь так можно в два счета весь капитал прогулять,— невозмутимо продолжал Гончаров.— Или он у тебя велик?

Лунев в ответ широко улыбнулся. Манера разговаривать этого незнакомого, но, видать, своего «в доску» дядьки пришлась ему по душе.

— Тоже скажете... Откуда ему взяться? Поднесут, выпью. А насчет работы не беспокойтесь. Отдохну малость и обратно.

— Устал?

— Ага.

— А как ты думаешь, если бы все мы работали так, как ты, до первой усталости, что получилось бы?

Лунев пожал плечами.

— А чего?.. В порядке.

Парень был явно не подготовлен к такой дискуссии.

— «В порядке»! — передразнил Гончаров.— От такого порядочка ты, может, первым ноги бы протянул. В семье еще кто работает?

— Мать,— неохотно сообщил Лунев.

— И мать тоже... с перерывами?

— Ударница она у меня,— с гордостью сказал Виктор и почему-то покраснел.

Федор Георгиевич с удовлетворением отметил смущение парня. Однако пора было переходить к делу.

— Ну так что же все-таки ты, герой труда, в Ново-Ладыженском делал? К кому и зачем спозаранку пожаловал?

«Нет, этому не соврешь. Мужик, видать, дошлый. А потом, чего мне бояться?» — подумал Виктор и после секундного замешательства пояснил:

— Должок надо было получить, товарищ начальник.

— Ишь ты, кредитор. Кто же тебе должен?

— Старик один. Мухин — его фамилия.

Ни один мускул не дрогнул на лице Гончарова.

— И много должен?

— Десятку.

— Немалая сумма. Что же, видать, нуждается этот старичок?

— Нуждается? — рассмеялся Лунев.— Мне бы да вам, товарищ начальник, его нужду. Богатей.

— А зачем деньги занимает?

— Это особый должок,— хитро подмигнул Виктор.

— Не понимаю. Давай подробней.— Новые нотки прозвучали в голосе Гончарова, и Лунев испуганно поглядел на него.— Давай выкладывай все как есть, начистоту. А чтобы в прятки нам с тобой не играть, слушай: свой долг ты на том свете получать будешь, потому что вчера Семена Мухина кто-то убил. Ясно?

Нижняя губа Лунева по-детски отвисла.

— Я не виноват,— только и смог пролепетать он.

А Федор Георгиевич Гончаров, будто и не было всего предшествующего разговора, снова спросил:

— Зачем пожаловал в Ново-Ладыженский? Кто послал? Что за долг?

И Виктор Лунев рассказал следующее: позавчера он, как обычно в обед, отправился к пивному павильону, расположенному неподалеку от дома. Посещение пивнушки стало постоянным и, пожалуй, единственным развлечением парня. В театры он забыл, когда ходил, кино тоже не жаловал. Последний раз смотрел «Великолепную семерку». Фартовые ребята! А когда не было денег на четвертинку и на пиво, Виктор коротал досуг на соседнем дворе за игрой в «козла».

В пивном павильоне Лунев считался своим человеком. Однако чаще всего у него денег не хватало даже на «чекушку». В таких случаях он медленно потягивал кружку мутного бочкового пива, слизывал пену с губ и тоскливо поглядывал по сторонам, выискивая, к кому можно пристроиться, чтобы продлить пиршество за чужой счет.

Позавчера его поманил к себе грузный, приземистый мужчина лет пятидесяти, широколицый, с выпяченной нижней губой, одетый в парусиновый мешковатый костюм.

Завсегдатаям павильона мужчина был знаком. Звали его Яковом Васильевичем, поговаривали, что у Яшки куча денег, что занимается он разными махинациями, но чем именно, толком никто не знал.

— Здорово, Витек! — приветствовал Лунева толстяк.— Выпей за компанию.— И широким жестом опрокинул в пустую кружку бутылку пива.

Выпили молча. Кося глаза, парень поглядывал на соседа. Выпяченная губа придавала тому вид брезгливца, обиженного на самого себя: как это я оказался в этой забегаловке.

И будто в подтверждение Яков Васильевич предложил:

— Чего тут толкаться? Пойдем посидим, поговорим по-человечески. Не бойся, плачу я.

В поплавке «Чайка» посетителей почти не было. Приятели заняли столик возле окна. Виктор, привыкший к своему павильону, довольно улыбался. Еще бы! Белые занавески, крахмальная скатерть, поблескивающие перевернутые бокалы, неслышно скользящие официанты!

Яков Васильевич заказал пол-литра, закуску, горячие блюда и, откинувшись на спинку стула, процедил:

— Видать, не богато живешь.

— Всякое бывает,— уклончиво ответил Лунев.— Сейчас точно, не при деле.

— А есть люди, живут королями. Ни забот, ни хлопот. Деньги к ним сами текут. Да вот у меня родственница в Ленинграде. Старуха, одна-одинешенька, квартира, ковры, брильянты. Между прочим, зубной врач, золотыми протезами занимается. Мильённое дело! А помрет, кому достанется — государству! Родственников никого!

— Паразиты, а не люди! — с обидой отозвался Лунев.— Нет того, чтобы рабочему человеку помочь.

— Они помогут, жди...— поддакнул Яков Васильевич.

Беседа прервалась. Официант принес еду, разлил водку и отошел. В молчании выпили.

— Не знаю, как быть,— продолжал Яков Васильевич,— в Ленинград податься, что ли, хотя и здесь можно деньги делать. Ты парень неплохой.— Он хлопнул Виктора по колену.— Держись за меня, не пропадешь.

Лунев хмелел. Он потянулся было за быстро пустеющим графином, но сосед перехватил его руку.

— Обожди,— резонно заметил Яков Васильевич,— налакаться всегда успеешь. Давай о деле поговорим.

— О деле так о деле,— согласился Виктор.— Что нужно?

— Совсем чуток. Значит, так, слушай, живет в Ново-Ладыженском переулке Семен Мухин, сквалыга лютый, вещи скупает. Старик осторожный.

— Барыга,— понимающе кивнул Виктор.

Яков Васильевич покосился на него.

— Так вот, пойдешь сегодня к старику, предупредишь, чтобы вечером в девять часов ждал дружка, принесут ему стоящую вещь, рублей на пятьсот потянет.

— Пятьсот?! — ахнул Виктор.

Яков Васильевич довольно хмыкнул.

— Пробрало. Жемчуг принесет.

— А если старик спросит, кто придет, что тогда?

Яков Васильевич ответил не сразу. Он внимательно оглядел Виктора, отвел глаза и нехотя, притушив голос, произнес:

— Скажи, что придет Лаше. Запомни, Лаше.— И уже с явной угрозой: — Не советую, где-нибудь назвать это имя. Тебе сколько годков, Витек?

— Двадцать два,— проглотив от волнения слюну, ответил Лунев.

— Так вот, сболтнешь, до двадцати трех не дотянешь. Гарантирую.

— Зачем болтать? — обиделся Виктор.— Я сам по себе, он сам по себе. И это все, что надо сделать?

— Почти. Вернешься сюда к семи часам, посидишь вот там, у сквера, подождешь. Встретишь Лаше. Передашь ему, что сказал Мухин, и получишь червонец. У нас, как в банке, не пропадет.

В Ново-Ладыженский Виктор отправился сразу же из ресторана. В голове слегка шумело, настроение было превосходное. Шутка ли, десятка, а поручение выеденного яйца не стоит. Пришел, передал — и адью. Почаще бы такое перепадало. А что касается Лаше, Яшки и старика, какое ему в конце концов дело, чем они занимаются. Его хата с краю.

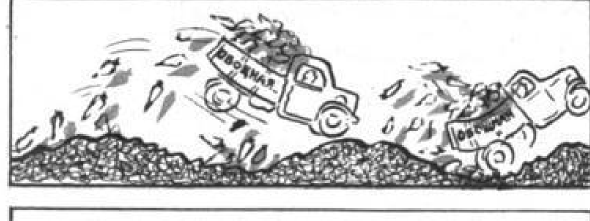
Открыла пожилая женщина, мельком глянула, пропустила и небрежно бросила:

— Вторая направо.

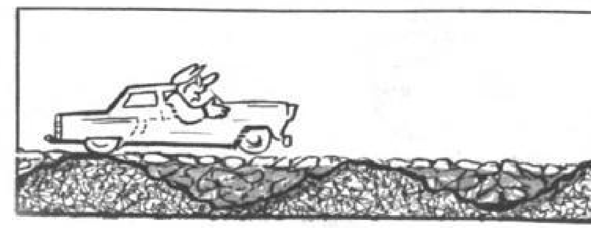
— Войдите,— послышался старческий голос, когда Виктор постучал.

Мухин стоял на коленях возле дивана, искал туфли и ворчал:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36, 37.

— Непонятно, что они жалуются... Отличная дорога!

Рисунок А. Шварца.

— Я слышала, что вы еще и сапожник.

Рисунок О. Корнева и Н. Станиловского.

— А я говорю: ливень!!!

Рисунок Е. Шабельника.

— Куда она их, чертовка, запрятала?.. Чего надо? — Блеклые, в синеватых прожилках глаза уставились на гостя.

«Ну и хозяин! Ни здрасте, ни сядьте...» — подумал Лунев и, понизив голос, передал все, что ему поручил Яков Васильевич.

Старик пожевал губами, сдвинул кустистые седые брови и пробормотал:

— Ни черта не понимаю, что за Лаше. Ты толком говори, кто придет?

— Яков Васильевич сказал, что Лаше придет,— упавшим голосом пояснил Виктор.

— Яшка! Ну, это—другое дело. Так бы и сказал, а то Лаше. И кличка-то вроде собачьей. Говорил Яков, что ему нужно?

— Вещь принесет.

— Что именно?

— Жемчуг.

— Жемчуг? — удивился старик и вытянул гусиную шею с резко выступавшим кадыком.— Не знаешь, сколько хочет?

— Просил приготовить пятьсот рублей.

— Ишь ты! Пятьсот! Слыхано ли пять тыщ за безделушку?

Наступило молчание. Старик не переставал жевать губами. Наконец сухо произнес:

— Хорошо, пусть приходит ровно в девять, я сам открою.— Он встал с дивана, шлепая ночными туфлями, прошелся по комнате и поинтересовался: — Тебе-то кто открыл дверь?

— Какая-то женщина.

— Ишь, стерва! Завсегда норовит первой. Лишь бы узнать. Ладно, иди. Так и передай, ровно в девять.

В семь часов вечера в условленном месте, возле ресторана «Чайка», Лунев ждал Лаше. Он облюбовал скамейку, с которой можно было видеть всех идущих от трамвайной остановки. Давно миновало условленное время, а никто не приходил.

«Надули гады,— уныло подумал Лунев.— Вот невезение!» И в ту же секунду вздрогнул от неожиданности. Рядом сел высокий худой мужчина с узким, горбоносым лицом. Он был одет в серый костюм и в такого же цвета широкополую шляпу.

«Лаше!» —догадался Лунев.

Лаше удивлял своей несоразмерностью. Худощавый, узкоплечий, с удлиненным лицом, на котором, словно приклеенные, чернели тоненькие усики и золотистыми искорками поблескивали глаза, он с середины туловища будто превращался в другого человека. Длиннющие, почти до колен руки заканчивались широкими ладонями с короткими мясистыми пальцами. Лаше слегка косолапил. Размер ноги его был никак не меньше сорок четвертого. Казалось, болезненный гений доктора Моро очеловечил и искусственно соединил гориллу и рысь.

— Заждался, думал, что не приду? — На тонких, сжатых губах Лаше дрожала улыбка.

— Здравствуйте,— почему-то робея, вежливо ответил Виктор.

— Тебя за километр по кепочке можно узнать. И где ты такую оригинальную купил?

Виктор хотел обидеться, но побоялся.

— Кепка как кепка, государственный фасон, не я его выдумал,— тише, чем обычно, ответил он.

— Да носи на здоровье,— усмехнулся Лаше.— Я только удивляюсь, какой это закройщик сообразил.— И неожиданно: — У старика был?

— Да.

— Что сказал?

— Ждет к девяти часам.

— К девяти...— повторил тот и взглянул на ручные часы.— Половина восьмого, время еще есть. А как он, злой?

Лунев неопределенно пожал плечами.

— Сволочной старик,— подытожил Лаше, и его рот с тонкими губами стал еще уже.— Ладно, пора идти.— И он встал со скамьи.

— А как же деньги, что Яков Васильевич обещал? — робко, с замиранием сердца спросил Лунев.

— На, получай.— Лаше вытащил из кармана смятую десятку и сунул парню.— Многовато за одну услугу, ой, многовато! Ну да что для дружка не сделаешь. Может, еще когда пригодишься. Ты от Якова Васильевича не отрывайся. Шеф подходящий, с ним не пропадешь. Да, вот что еще,— снисходительно бросил Лаше,— навести завтра утречком пораньше старика Мухина. Он тоже тебе десятку подбросит.— Лаше расхохотался.— Ну, бывай... До встречи.

— Ну и тип! — пробормотал Виктор.

Страх у парня был настолько велик, что пропало желание идти домой, оставаться одному. «Заночую у сестры»,— решил он.

Однако скоро тревога оставила Виктора. Десять рублей, лежавшие в кармане, придали ему смелости, и на следующее утро по совету Лаше он отправился к старику Мухину за обещанной второй десяткой. Там его и задержали.

Долгий разговор с подполковником явно утомил Лунева. К тому же он дьявольски хотел есть. Перерыв нужен был и Гончарову. Следовало кое-что уточнить, проверить, перед тем как повести с задержанным заключительную, наиболее ответственную часть беседы.

Когда в сопровождении уже знакомой белой рубашки Лунев отправился в столовую управления, Федор Георгиевич занялся поисками.

В памяти Гончарова сохранились многие из числа бывших «подопечных», но Лаше? Не только фамилия, но и внешность этого человека не была знакома Федору Георгиевичу. Зато Яков Васильевич из пивного бара, известный в уголовном мире под кличками «Бочонок», «Пузач», «Котел», был, как говорится, изучен вдоль и поперек. Пятьдесят лет своей бурной жизни Пузач почти поровну поделил между свободным житьем и пребыванием в тюрьмах. Сидел за мошенничество, аферы. Ныне Пузач «удачливо» играет в карты и занимается букмекерством на ипподроме. Сейчас Федор Георгиевич обрадовался, что Яков Васильевич на свободе.

ГЛАВА 7

КРУГИ

Небольшой письменный стол заведующего отделом кадров напоминал островок, затерявшийся в океане папок. Папками были забиты стеллажи, опоясавшие комнату по всем четырем стенам, папки лежали на окне, горкой возвышались в углу и даже возле стола.

— Многовато! — Загоруйко осторожно пробирался по узкой дорожке, тянувшейся от двери к столу.

— Хватает добра,— отозвался завкадрами.— А что делать? Переучитываем личные дела. Мертвых душ поднакопилось. Вы откуда, товарищ?

Старший лейтенант предъявил документ, уселся на единственный свободный стул и попросил дать ему для ознакомления личное дело слесаря Виктора Лунева, недавно уволившегося по собственному желанию.

— Лунев? — удивился заведующий.— Не помню такого.

— Оно и не мудрено,— кивнул головой в сторону океана папок старший лейтенант.

— Не мудрено, да плохо,— отозвался кадровик.— Всех следовало бы знать, а как одолеть такое... И вообще, дорогой товарищ, если по совести, пора кончать с этой лавочкой.— Он широким жестом обвел комнату.— Кому нужны все эти анкеты, справки, переписка? То ли дело единая картотека на столе у директора. Картонные квадратики небольшого размера, фотокарточка в правом углу и короткая запись: такой, мол, и такой. Я еще понимаю на «почтовом ящике», там, конечно, строгая проверка требуется, а нам зачем все это хозяйство?

Заведующий говорил торопливо, одновременно листал папки, искал. Наконец нашел, стер с обложки пыль и положил папку на колени Загоруйко.

— Тощая,— прокомментировал он,— три листка.

С фотографии на старшего лейтенанта смотрело знакомое мальчишеское лицо Лунева, с упрямым хохолком и чуть оттопыренными ушами. Никаких компрометирующих материалов в деле не было. Жил паренек, потерявший малолеткой отца, рано обрел самостоятельность. В общественной жизни не участвовал, в комсомоле не состоял. Почти во всех графах «нет», «нет», «нет». Получил выговор за опоздание. Мальчишеским почерком, со множеством ошибок написано объяснение... «Опоздал по случаю болезни мамаши». Так и написано: «мамаши».

«Соврал, подлец»,— беззлобно подумал старший лейтенант, но промолчал.

Загоруйко отложил дело, извинился за беспокойство и сказал, что пойдет в комитет комсомола поговорить с секретарем.

— Не стоит,— отсоветовал завкадрами,— секретарь у нас все больше на конференциях да в райкоме. А Лунев беспартийный, так сказать, не охваченный. Секретарь его, небось, и в глаза не видел.

Но Загоруйко все-таки пошел.

Пока старший лейтенант узнавал подробности о Викторе Луневе, начальник отделения милиции Колесников получил любопытное письмо. На листке, вырванном из тетради, было нацарапано:

«Товарищ начальник, пишет вам доброжелательница, много пострадавшая от уголовной шпаны. Поэтому и решила я остаться неизвестной. Не ровен час, пронюхают, со света сживут. В воскресенье, в десятом часу вечера, возвращаясь домой, я увидела чернявого паренька в сером костюме и желтых на толстой подошве ботинках. Парень выбежал из дома номер 16. Парень в руках держал небольшой окровавленный предмет, который и выбросил в урну на углу Ново-Ладыженского переулка, что с правой стороны. Вчера я узнала, что в этом переулке кого-то убили. Может, я повстречалась с убийцей. Буду рада, если чем помогла вам. До свидания. Т.».

Майор выслал оперативных работников проверить содержимое урн в Ново-Ладыженском переулке. Приказал, в случае если урны уже очищены от мусора, собрать и опросить дворников ближайших домов. Когда оперативный наряд выехал на задание, майор позвонил на Петровку, 38, и доложил подполковнику Гончарову о полученном письме.

Сигнал доброжелательницы оказался правильным. Именно в крайней урне на углу переулка, с правой стороны, было найдено массивное пресс-папье с засохшими следами крови. Эксперту научно-технического отдела понадобилось не много времени, чтобы дать заключение о том, что «вышеуказанный предмет является орудием убийства гражданина Мухина Семена Федотыча, последовавшего в воскресенье такого-то числа». По справке эксперта удар был нанесен краем пресс-папье в затылок. Группы крови совпадали.

Казалось, все ясно. Круг замкнулся. Так, может, и несколько выспренне доложил по телефону майор Колесников подполковнику Гончарову и был несказанно удивлен, когда, выслушав его, Федор Георгиевич назвал замкнутый круг кругом по воде, от которого в конечном счете ничего, кроме легкой ряби, не останется.

Федор Георгиевич распорядился немедленно переслать анонимное письмо графикам из НТО и поставить перед ними только один вопрос: кто писал — мужчина или женщина.

Закончив разговор с Колесниковым, Гончаров вызвал Загоруйко.

— Садитесь, товарищ старший лейтенант. Луневские протоколы прочли?

— Прочел. По-моему, Федор Георгиевич, положение осложнилось. Ведь и Лаше явился к Мухину к девяти часам.

— Совершенно верно. И если Зотов пришел объясняться насчет своих матримониальных дел и мог убить старика в припадке ярости, то Лаше мог прикончить его из корысти. Проверь, не исчезли ли из комнаты Мухина какие-либо драгоценности.

— Слушаюсь, товарищ подполковник. Но если Лаше готовился убить Мухина, чего ради он посоветовал Луневу пойти за десяткой к старику. Это же идиотский риск.

— Ты прав. Ясно одно: Лунева надо выручать.

— Выручать?

— Да. Иначе его ликвидируют в два счета. Он для них опасный свидетель.

Продолжение следует.

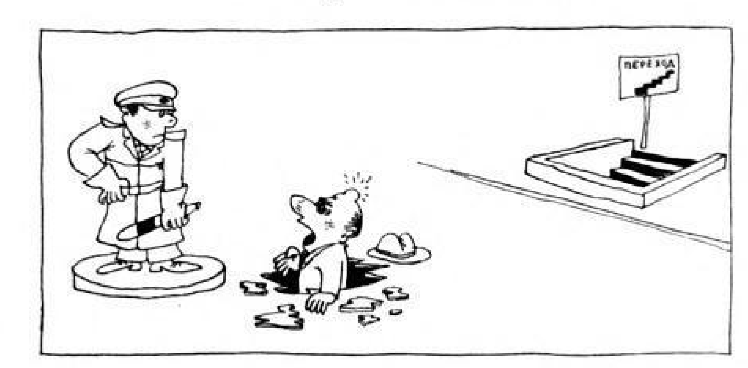
— Когда же он появится!
Уже целый час жду.
Рисунок В. Тильмана.

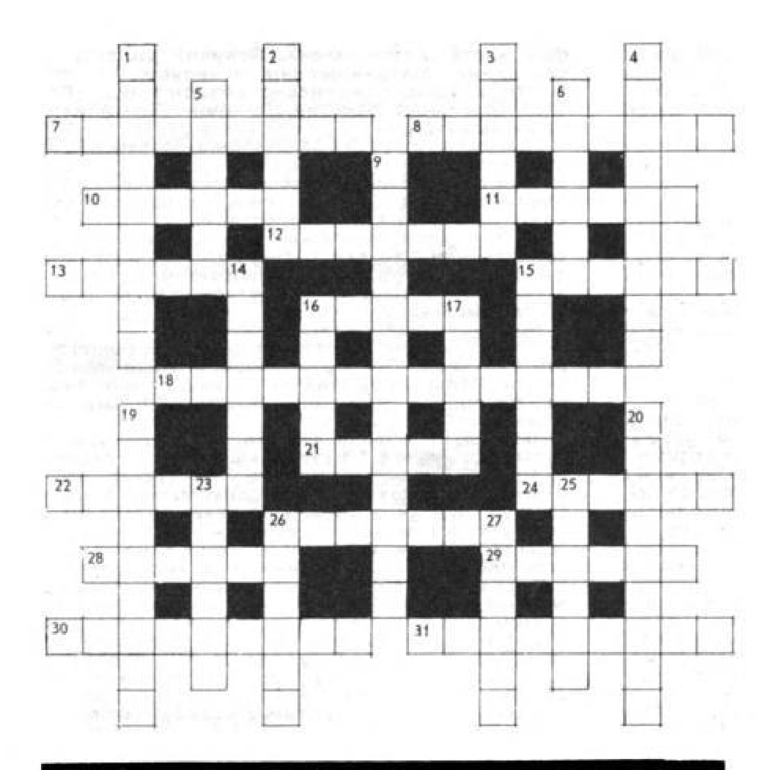

— Посидишь сегодня один, я тебе все расписала.
Рисунок В. Воеводина.

— Извините, я, кажется, рано вышел...
Рисунок Е. Шабельника.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Рассказ М. Горького. 8. Русский живописец. 10. Овощное и ко́рмовое растение. 11. Игра в мяч. 12. Южный мыс Камчатки. 13. Остов изделия, сооружения. 15. Пчеловодное хозяйство. 16. Братья, авторы сборников немецких сказок. 18. Город в Казахстане. 21. Художественное текстильное изделие. 22. Русский композитор. 24. Персонаж пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». 26. Порт в Бразилии. 28. Птица семейства фазановых. 29. Действующее лицо балета Б. В. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». 30. Помощник профессора. 31. Химический элемент.

По вертикали:

1. Участок ботанического сада. 2. Отделение предприятия, учреждения. 3. Столбец типографского набора. 4. Французский физик, открывший явление радиоактивности. 5. Древесная лягушка. 6. Басня И. А. Крылова. 9. Режиссер, педагог, теоретик театра. 14. Приток Урала. 15. Музыкальный инструмент. 16. Украинский народный танец. 17. Двигатель. 19. Английский писатель XIX века. 20. Союзная республика. 23. Часть декорации. 25. Морское неподвижное животное. 26. Особенность произношения. 27. Населенный пункт на севере ГДР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

4. Стоматология. 6. Толидо. 9. Шпонка. 10. Лесбос. 13. Ультразвук. 15. Реверс. 16. Люблин. 17. Янка. 19. Фиалка. 22. Тайфун. 23. Виолончель. 24. Минкус. 26. «Кабуки». 28. Уганда. 29. Публицистика.

По вертикали:

1. Уитмен. 2. Сфинкс. 3. Гоголева. 5. Спелеология. 6. Тальк. 7. Лебрен. 8. «Коробейники». 11. Дрезина. 12. Трибуна. 13. Устав. 14. Клеть. 18. Каньон. 20. «Консуэло». 21. Пешка. 25. Карузо. 27. Баркас.

На первой странице обложки: Шота Руставели.
Портрет работы У. Джапаридзе.

На последней странице обложки: Ранней осенью...
Фото Н. Немнонова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление **И. МИХАЙЛИНА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10701. Подписано к печати 14/IX 1966 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 1722. Заказ № 2441.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПОБЕДИЛ ОРФЕЙ

Фото Е. Умнова.

Международные скачки!

Могучая колоннада здания Московского ипподрома помолодела от разноцветных флагов, рвущихся на ветру. Три дня шли соревнования. Три дня на скаковой дорожке лучшие жокеи Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Советского Союза, мастера стремительного посыла и тонкого тактического расчета, вели своих чистокровных красавцев к финишу.

Множество почетных призов было разыграно в эти дни: имени городов Софии, Бухареста, Будапешта, Берлина, Улан-Батора, Братиславы, Праги, Варшавы, Киева и Москвы. Соревновались конники в скачке на международный приз Мира и на Большой международный приз социалистических стран.

От спринтерской дистанции в 1 200 метров до стайерской — 3 200 — таков был диапазон спортивной борьбы.

Успешно выступали советские мастера скачки. Чаще других звучал над полем ипподрома наш гимн. Андрей Зекашев на жеребце Арамисе, воспитаннике Бесланского конного завода, где работает старейший тренер Джамбот Тамбулаевич Камбегов, сумел в яркой, напряженнейшей борьбе по дистанции дважды оказаться первым: международный приз города Софии и почетнейший приз Мира достались ему. Николай Насибов, подлинный гроссмейстер скачек, жокей и тренер, был первым на своем первоклассном гнедом Анилине, воспитаннике завода «Восход», в соревнованиях на Большой приз социалистических стран. Приз Москвы он выиграл на Орфее.

Отлично выступали венгерские конники. В основном между ними и нашими мастерами велась борьба на скаковой дорожке. Очень понравился московским зрителям волевой, отважный жокей М. Гелич и его юный товарищ по команде Я. Тандари.

А сколько досталось аплодисментов молодому жокею из Чехословакии Павлу Ганушу! Он был первым на финише в трудной скачке на приз города Братиславы.

Празднично, интересно было в эти дни на Московском ипподроме. Тысячи зрителей с живейшим волнением следили за ходом темпераментной, горячей борьбы на скаковой дорожке.

Хорошо запомнился момент, когда оркестр заиграл старый, времен гражданской войны марш-песню «Мы красные кавалеристы, и про нас былинники речистые ведут рассказ». Все, кто был на ипподроме, повернули головы к ложе, в которой появились Семен Михайлович Буденный и Климент Ефремович Ворошилов, седые маршалы, люди, с именами которых неразрывно связана огневая пора, когда вот на таких, как те, что сейчас на дорожке, быстроногих и верных скакунах ходили наши отцы и деды в долгие походы, бросались в сабельные атаки за светлые будущие дни.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Победителям — награды, почет. Уж кто другой, а Семен Михайлович Буденный понимает толк в скакунах!

●

Международный мастер-жокей Николай Насибов. Только что он одержал очередную победу. Теперь спешит, подхватив на руки поздравившую его дочку, к новому старту.

●

Девятый десяток пошел тренеру Джамботу Тамбулаевичу Камбегову, восьмой — профессору коневодства из Чувашии Андрею Алексеевичу Жилинскому. Вся жизнь у обоих отдана любимому делу.

●

Николай Михайлович Лакс — москвич. Но сейчас он живет в Праге, помогает чехословацкому конному спорту. Перед стартом он дает советы Павлу Ганушу.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663